

Расшифровка интервью

Дата: 23.12.2022

00:00:05

Марина Гансовна, начнем с начала. Расскажите, пожалуйста, про ваших родителей. Кто были ваши родители? Кто мама, кто папа?

Ну, папа, он учился, ну и работал он, речник. Все ленинградцы вообще моряки, внук потом, моего брата сын. Он тоже был моряком, штурманом. А папа был моряк и учился в Институте инженеров водного транспорта на пятом курсе. Его взяли с пятого курса.

00:00:52

Мама?

Мама. Она в Малом оперном театре работала, певица она была, да. Это наш домашний театр. Дедушка был, вот он отца отец, был он настройщик музыкальных инструментов при царском дворе, даже документы есть там где-то, мне написали. А потом он уже в Кировском тоже был настройщиком. Ну а бабушка домохозяйка была, его жена. С большим юмором, хулиганка, дедушкина жена, потому что она была горничная, он на ней женился по второму разу. И дядя мой рассказывал, как она над ним всегда потешалась. А вторая бабушка, мамина мама, она была бонна, воспитывала Николая II. Да. Она кончила Институт благородных девиц. Ее очень любила мама Николая II, Мария Федоровна. Жена Александра III, Мария Федоровна. Мать Николая II. Очень ее любила. Даже у нас были вещи, которые она дарила ей. Вот такие дела.

00:02:43

А неме... То есть бабушка?..

А русский дед был — Анны Генриховны муж, которая была бонна, — он был распорядитель балов при царском дворе. Это вот так показывал официанту, или кто там, чтобы несли там всё. Фотокарточка есть, покажу, красивый мужик. Ну вот такие. Они дружили семьями, потому что были... Вот в Лефортово была Немецкая слобода, здесь, а там — на Васильевском острове было. Там и школа была немецкая. Я забыла, как это называлось, Schule, до сих пор она там. И роддом, в котором я родилась, тоже немецкий был. Вот это вот всё. Ну я по-немецки не могу, только в смысле, когда училась, потому что я не... Но когда я училась, я как раз хорошо [говорила по-немецки], я помню, что учительница по немецкому всегда говорила: «Марина, ну-ка давай — и говори как следует с ними». Они тут вообще ничего... А у меня, видно, было это вот. У меня немножко Р, видите, какое. Ну вот такие дела. Хорошая семья была.

00:04:15

А когда ваши немецкие родственники приехали в Россию? То есть когда это...

Это, видно, она их привезла, вот эта Мария Федоровна. Жена Александра III. Потому что она была просто приятельницей ей, бабушка эта моя. Вот она ее очень любила, дядя мне рассказывал. Ну маму-то я совсем мало видела. А дядя потом мне рассказывал.

00:04:49

Вы родились... Где и когда вы родились?

Я родилась 10 февраля 1938 года на Васильевском острове. Дом на 9-й линии, дом 46, квартира 16. А дед по отцу и папа мой, они жили на Васильевском острове, 5-я линия. Это недалеко, сейчас там метро близко, «Василеостровская». 5-я линия, дом 30, квартира 5. И они дружили домами. Когда папа был маленький, его все звали Ванька. Вот дядя мне говорит, что Ванька звали его, а когда он вырос, то стали звать Ганс. И мама и не думала на нем... выходить за него замуж. Потому что у нее был другой мальчик, русский. А бабушка это узнала и говорит: «Что-о? Вот за него выйдешь замуж». А тогда родителей слушались. И потом она его очень любила. И осталась в Ленинграде в блокадном, театр поехал в Казахстан, а она осталась его ждать. Говорит: «Ну война. Сейчас мужиков выпустят из тюрьмы, мужики нужны. Он придет, а меня нет, а нас нет». И осталась.

00:06:23

Вы не помните отца, да? Потому что...

Я его не знаю вообще. Я 10 февраля родилась. А 22 января уже расстреляли его.

00:06:39

Что вам мама вообще рассказывала?

Мама не рассказывала. Маму сразу тоже... Она была беременная мной. Ей дали меня родить, и мне было три недели, когда ее тоже посадили в лагерь. Почему? Потому что ее вызвали в газету «Правда» и сказали через газету: «Ты должна написать заметку, что он враг народа». А она говорит: «Вы что? Мы росли в одном дворе, мы его знаем. Он был комсомолец. Какой он вам шпион? Он не шпион». И отказалась это сделать. Тогда ее тоже — дали меня родить, мне было три недели, — ее тоже посадили в лагерь. И отпустили ее... Тогда не отпускали, отпускать стали же после Хрущева. А ее отпустили, потому что, Рита, моя двоюродная сестра, которая в Ленинграде жила, она говорит... Я говорю: «А как же ее-то отпустили?» Она говорит: «А ты знаешь, откуда мы ее взяли? Мы ее взяли из Скворцова-Степанова». Это то же самое, что Канатчикова дача здесь. Сумасшедший дом. Она, видно, немножко... И она ко мне была как-то не очень. Не очень. Не было у ней чувства такого. А воспитывали меня дядя и бабушка. Дядя... Мама была с 1909 года, дядя с 1911-го. И они остались вот: брат мой, ему было шесть лет, я, только родилась, и бабушка и дядя Володя, брат мамин. И дядя хотел жениться. Ему было тогда 25 лет. А бабушка ему говорит: «Ты чего? Жениться. А этих куда? Я же...» Она умерла в 1942-м году, ей было 73 года. Поэтому она говорит: «А этих куда? Как я с ними?» И потом, тогда ж ни детского питания, ничего [не было]. Вот они мучились. Дядя говорит: «Ты орала, мы мучились». Не грудью же кормили, а так вот, чем придется. Молоком, наверное. «А ты, — говорит, — живот у тебя вечно болел. Хорошо, наверху жил врач детский». А детский врач был швед. Там тогда финнов полно было, шведов. Вот еще при Петре I жили рядом. Вот этот мальчик потом был со мной в детском доме, Валька Карлсон. Потом за ним приехала бабушка, когда война кончилась, и взяла его. А я к ней подошла и говорю: «А меня почему вы не берете?» Потому что мы дружили, и фотокарточка у меня есть. А она говорит: «Как же я тебя возьму? Ты видишь, какая я худенькая. Я его, Валечку, еле доведу. Вот я его доведу, а потом за тобой приеду». И приехала. До сих пор едет.

00:10:04

Вы ждали?

Ждала, еще как. Обычно весной, почему-то весной брали нас, детдомовских, приезжали родители. Мама умерла... Я никогда в жизни... У нас не было такого в семье, чтобы со взрослыми в одной постели спать. А тут она уже, видно, плохо себя чувствовала, я как раз помню здорово, и она лежала уже. Лежала мама вот так, а рядом бабушка. Кровать. И помню окошко. И я пришла и говорю: «Возьми меня к себе». Она говорит: «Нет, нет, иди с Гариком в другую комнату». Гарик брата звали. А я реветь. Бабушка говорит ей... Ее Мария Васильевна звали, а дома ее Муся звали. И я как сейчас помню, бабушка говорит ей: «Муся, возьми девочку!» И Муся протянула ко мне руки и положила рядом. И всё. Я проснулась утром. У нее здоровые голубые глаза открытые, она черненькая была, симпатичная, молодая. Я бужу ее писать. Не могу слезть с кровати, кровать высокая. А она не встает. Я расплакалась. И бабушка, слышу, говорит: «Гарик, иди возьми Мариночку. Муся умерла». Вот это я помню. И что такое «умерла», я не понимала, но это было для меня ужас какой-то. Ужас. Нет нашей мамы больше, нет. А я к ней очень тянулась. А она была уже не очень такая. Я помню... Вот у меня осталось, что она была очень веселая, постоянно пела, вот это я помню. Она пела мне всегда, я ее ждала с работы. Ждала, чтобы она приехала и спела мне. И она пела «Спи моя радость, усни». Никто меня не учил, я запомнила. Дядя потом приехал в детский дом ко мне и говорит: «А ты маму помнишь?» Я говорю: «Да». «Ну, расскажи, что ты помнишь?» Я говорю: «Она была веселая, красивая и хорошо пела». А он говорит: «Что она пела?» А я ему стала петь «Спи моя радость, усни». Смотрю, у него слезы потекли. Вот так.

00:12:45

Марина Гансовна, а скажите, пожалуйста, что с мамой всё-таки произошло после ареста отца? Она была в положении, да?

Родила.

00:12:54

Да, родила. И потом, получается, в каком году ее арестовали, по какой статье и куда отправили?

В этом же, 1938-м... А вот по какой статье, этого не знаю я.

00:13:07

А вы не занимались вопросом маминого дела?

Нет, нет. Нет, нет. Меня почему-то интересовал папа, вот всегда мне хотелось увидеть папу. И

я увидела... Вот у нас в детском доме на всех были метрики. И метрики эти каждый месяц заполняли воспитатели. Ну, наверное, как растёт ребенок, как он успевает, что. И вот я увидела, я шустрая была деваха. И эти метрики лежали на столе в коридоре, [где] сидела воспитательница. Она куда-то отошла, и я нашла свою карточку. И там было написано: «Отец в репрессии». Я думаю: что это такое, интересно, «в репрессии»? Ага. И я пошла к директорше. Директорша, между прочим, тоже была у нас из Смольного института. Людмила Николаевна Романова. Не была ли она какой-нибудь побочной дочерью царя нашего? Николая II. Ну славная очень женщина. Она никогда не ругалась. И такая была умница. Она всегда говорила: «Дети, этого делать вы не должны. Вы люди, вы запомните это. Вы люди». Да. Я была очень хулиганистая. Я была в маму. Дядя Володя говорит, что мама была такая, с мотором в одном месте. И я такая же была. Училась я всегда хорошо, но хулиганила. А почему хулиганила? Мне скучно было. Они быстро всё... Я делала, а дети всё долго. Ну военные дети, голодные. И я начинала хохотать, хулиганить. Меня ставили к печке. А печка топилась, печка была теплая. Поэтому я... И я когда на следующий день шла, я думала: «Что бы мне еще сделать? Вот сейчас она не будет, учительница, на это реагировать, это я вчера [делала]. Надо что-то новенькое». Вот такая я была девушка. По поведению была у меня тройка. Я начинала петь, я начинала хулиганить. Тройка. Отметки все хорошие. Я думала: что они, дураки, что ли, чего они там это... В пять лет я сама научилась читать, не знаю почему. Меня сажали — и рядом дети, я им читала книжки, сказки читала. Ну, воспитатель там что-нибудь занимал.

00:16:01

Марина Гансовна, а вот вы сказали, что пришли к этой прекрасной женщине, директору... Ну, что репрессии, да? Вот что она вам ответила?

Да. Она мне сказала: «Это долгая история, Мариночка. Он жив, но когда он выйдет, мы не знаем». Вот так она мне сказала. Он жив. Потому что 10, 58-10 статья у него была. А никого ж... После Хрущева только отпускать стали, стали разбираться, кто шпион, кто... А он же был немецкий шпион. И всё.

00:16:37

А отец где вообще работал? Как его арестовали? Как-то вы восстановили...

Он работал, я не знаю где, но он ходил в форме морской. И учился. Вот его из института взяли, с пятого курса. И бумага у меня, по-моему, там есть какая-то, что с пятого курса института.

00:17:04

А что-то вам рассказывали родственники про отца вообще? Дядя, бабушка?

Дядя и бабушка не рассказывали. Рассказал мне двоюродный брат. Он в Гродно жил. Сейчас умер. Он тоже был директор музыкального училища. И он рассказал мне, что... Это очень хороший человек был. Я говорю: «Ты мне Расскажи, ты помнишь папу?» А он говорит: «Да». Я говорю: «А когда ты его видел?» А мне было 15 лет. «Он, — говорит, — когда приходил с плавания, он всегда нас с Риточкой брал». Это тетка моя. Даже она тетка двоюродная была, она двоюродная сестра была моей мамы. Их бабушка, их мама. И он говорит: «Он нас с Риточкой брал и вез на дачу в Сестрорецк. И приходили мы сначала в «Елисеевский», и он нам говорил: „Ну чего хотите? Говорите. Всё вот купим, что хотите, и поехали на дачу“». И говорит: «А я очень любил к вам приходиться». Ну к мужику тянулся. Тоже своего не было. И он говорит: «Я пришел и застал такую картину: папа сидит на рояле играет, мама поет. А на рояле сидит Гарик. Я глянул и думаю: я вырасту, у меня тоже так будет». И потом у него было четыре девочки. Ага. Жена у него была. Вот был такой композитор Мурадели. «Слава труду, нашей партии доблестной слава» — это мы пели в Большом театре, когда был смотр ремесленных училищ. И вот она была его племянница, Майя, жена его. Вот [это] он говорит, и я запомнила. А я приехала к нему в гости, мне 16 лет было, дурочка. И говорю: «Борь, ты что, в погоне за сыном, что ли, гвардию такую?» А он говорит: «Нет. Я вот...» — и рассказал мне вот это про папу. Говорит: «Я всегда хотел, чтобы был...» И такой же он был, такой он был тоже добрый, этот Борька. И все дети обращались к нему, а не к папе... не к маме, а к нему. Кричала, — семь лет было последней, когда я приехала, Наташка ее звали — она кричала: «Пап, писать!» И папа вставал.

00:20:05

А вы вообще как-то про папу помните, как вы вообще думали про него? У вас же, наверное были какие-то...

Ну я думала только, и всё. Ну так представляла, какой он, потому что вот... Потом дядя мне карточки дал, вот что есть у меня там. Думала, всегда думала. Потому что когда... Ну маму-то я помнила, хотя немножко, а его нет. Она красиво одета всегда была. Я помню, у нее были

высокие такие вот... Ботинки-то вот потом были, чулки эти вот, такие длинные. Вот у нее такие были, и на таких кнопках красивых. И помню я ее хорошо как. Мы, видно, шли от бабушки. В 5-й линии. С ней. И уже шли по нашей улице, по 9-й линии. А там трамвай ходил, сейчас там не ходит трамвай. И вот, видно, дождик прошел, трамвай идет — и брызги во все стороны. Она меня за руку ведет. И я глянула, как брызги, и встала в лужу. И тут же треснула она меня по заднице как следует, я аж подпрыгнула. А это было у самого дома, а мы жили, у нас бельэтаж был. Дядя прибежал, сразу выскочил, схватил меня и говорит: «Ты что делаешь? Это твой ребенок». Вот я запомнила это. Видно, у нее были какие-то. Потом он мне рассказывал, когда в блокаду он работал в политуправлении фронта, потому что он был очень хороший акустик, связист и всё как следует слушал немецкое, и он говорит: «Приду, паёк получу, к вам приду, начинаю вам раскладывать. А ты маленькая, сразу не хватаешь. Она своё схватит, съест — и за твоё». «Я, — говорит, — ей говорю: „Муся, это же твоя дочка“». У нее были уже немножко... Этот лагерь ее... И она уже не работала в театре, потому что театр уехал. И я помню, что она привозила нам с театра, когда началась блокада, она привозила нам столярный клей. Мы его клали в тазик, и наливали воду, и ждали, когда он размякнет. И была как холодец эта жижа такая коричневая. Вот мы ее ели. Но это было очень хорошо. Ой еще!

00:22:58

Вы ели столярный клей?

Да. Да-да, ели столярный клей.

00:23:03

А это можно так?

Да. Дядино пальто съели кожаное. Вот так.

00:23:08

А... Как вы его съели? Его как-то можно было...

Ленточками резали. Оно было черное. Отмачивали, потом варили. И ели, жевали вот это дело. Да, жевали.

00:23:22

Это уже блокада когда была?

Это блокада. Воробья нашли с братом во дворе. Морозы были страшные, и он замерз. Мы его принесли, бабушка его ошипала, сварила в большой кастрюле бульон. И мы этот бульон, я помню, ели тоже. Да. Мама, когда еще могла, она приносила откуда-то ветки еловые. И тоже варили мы их и пили чай. Он горький был такой. Но она говорила: «Пейте. Это зубы. Зубы». А всё равно зубов потом мы лишились. Цинга была. Зубов лишились, нафиг, всех.

00:24:06

Марина Гансовна, а вы помните вообще, как война началась?

Помню, я помню, что началась война. Начали с того, что бомбежка была сильная. И когда она кончилась, люди кричали: «Бадаевский склад разбомбили!» А Бадаевский склад — это был большой продовольственный склад на весь Ленинград. И он горел. Бабушка мне дала ведерочко, и сама ведерочко [взяла], и мы пошли туда. Все туда шли. И вот живу я маленьким ведерочком [собирала] ей в большое, жижа коричневая текла там. Ну, наверное, сахар, масло, что-то. И мы подбирали и домой принесли. Потом ели. Это во было! Это хорошо было. А потом вообще ничего не было. Ничего, елки-палки.

00:25:12

А сколько вы в блокадном Ленинграде пробыли? Всю блокаду?

Да, вот в 1942-м мама умерла. Но она умерла... В марте? Или в апреле... Весной. За ней бабушка. Вперед мама умерла. За ней вскорости бабушка. А нас повезли с братом, когда открылась Ладога. На корабле повезли, на барже большой. Вот это я помню хорошо. Надо было на баржу эту идти. Первый корабль уже погрузили, он стоял. Это были там детские сады. А мы детский дом, 77-й вон написано. Василеостровский. А мы это еще... Наш грузили. А я никак не могла, потому что вот такие вот досочки и надо было туда по этой досочке залезать, на корабль. Не было сходней даже. Сходни — это еще с перилами, а это досочка. Гарик-то вошел, а я стояла и орала. Меня схватил, я помню, матрос — и на палубу. И мы поехали. Ладога была чего, я помню? С одной стороны были немцы, с другой — наши. И они перестреливались. И

тоже бомбежка началась, и разбомбили первый корабль. Прямое попадание было. И только панамочки одни, детские, на воде. Вот это я помню хорошо. Панамочки. А мы остались и дальше поехали. Орали. Лежали там на палубе, на полу, и орали. Боялись.

00:27:11

Сколько вам лет было?

Ну вот. Это был, значит, 1942 год. Я в 1938-м родилась. Да. Четыре года было. И в детский дом уже я попала, в 1942 году. Сначала почему-то привезли в Ивановскую область, в Юрьев-Польский район. Да. Юрьев-Польский район — он вообще-то сейчас во Владимирской области считается. А потом повезли нас в Кинешму. Тоже в детский дом. И там вот я попала, глухонемых детей это был детский дом. Рядом с детским домом был лагерь военнопленных. Охраняли их итальянцы. Маленькие, шустренькие такие, полненькие. А немцы, я помню, весной снимали с себя рубашки и выгоняли вшей. Нательные вши были вот в этих...

00:28:19

В швах.

Во швах. Сидели... Весна уже, снег был, но солнышко пригревало. И они с себя [снимали рубашки]. И вши эти шли по снегу, мы смотрели. А мы через забор с ними. И они просили у нас лук, чеснок, хлеб. Ну, кто мог, дети давали, а они давали нам игрушки. Делали, деревянные, вот так вот циркач поднимается — раз, раз. Ниточки, две досочки и такой дядька вырезанный. Ну, не мне лично, а старшим. Я маленькая была. Вот там была. Это называлось Кинешма. И Томна называлось место. А потом с этой Томны, от глухонемых... Видно, дядя, что ли, там, что, мол, ребенка... Он следил, куда меня [везут]. И уже в Ивановскую область, Тейковский район, поселок Нерль. Почему Нерль? Потому что там были татары. Монгольское иго. Там была Нерль, Сахтыш, Якшино, Тейково, Кинешма. «КинешмЯ» — это по Волге. А «Тей-кого» — это пришли татары и спрашивают. А русские не понимают, бабулька говорит: «Те [тебе] кого? Те кого?» Тейково, значит, Тейково. Иваново. Там Иваны одни, значит. А наш Нерль. Река там Нерль.

00:30:08

Вы вместе с братом были в детском доме?

Вместе с братом.

00:30:11

Сколько детских домов, три было, да?

Три да.

00:30:15

Три детских дома

Можно с 1946 года начать.

00:30:18

Вы говорили... Я спросила вас, были ли вы с братом в детском доме.

Да, была. Мы же были немцы, фамилия была Герман. Марина Гансовна Герман я. А он Гарри Гансович Герман. А почему Гарри? Мама была как молодежь теперь, сейчас тоже детей называют хрен как. И она назвала его Гарри. Почему? Потому что ей нравился артист английский — Гарри Пи. Он был как Чарли Чаплин — клоун. Вот мама моя.

00:31:02

И как брату жилось с таким именем?

Вот! Дрался он со мной на закорках. Нас били. Дети были злые. Немцы, фашисты мы были. Да. Отнимали у нас хлеб и вот всё. А он меня защищал. А когда он ушел — дядя его взял — я не помню, что... Я помню, что страшно я плакала. Обида у меня была, что берут его, а меня оставляют. И вот я не помню, как они уехали. Я не помню этого. Видно уже я от плача... Плакала очень. А потом он приехал уже в 1948 году в гости ко мне, а я его не узнала. Не знаю почему. Не узнала. И мне это... Я как раз была дежурной по кухне, и надо было утром чистить свеклу, морковку для винегрета. И это было очень хорошее занятие, дежурный по кухне. Там

давали немножко хлебушка, винегрет давали, ну пожрать там что на кухне. Ничего, [что] я так говорю? А я говорю... А поезд только пришел. Детский дом у нас был — прямо вот рядом железная дорога. И идут двое: высокий и низкий такой. Я говорю... А почему-то я почувствовала. И кухарке говорю: «Тетя Шура, посмотрите, идут кто-то к нам». А она мне говорит: «Да это твои идут». Вот так. Уже детей почти всех ленинградцев забрали. И стали приезжать другие дети, не ленинградцы уже. Там были у нас и медсестры, и воспитатели — все ленинградцы. И они все, когда прорвали блокаду, они детишек своих забрали и сами [уехали]. А я говорю: «Нет-нет». А она сразу к директорше. А они идут к директорше, и она меня повела к директорше. Директорша говорит: «Одевай. — У нас были платица нарядные. — Одевай Марину». Она меня одевает, я в руки никак не могу попасть, в рукава. Прыгаю. Она говорит: «Чего прыгаешь-то? Давай стой спокойно. Одеваться же надо». Я просто боялась. Гарик был высокий. Папа у нас высокий был, и он в папу. А дядя Володя маленький был, такой как я, ну может, чуть-чуть побольше. И мама такая же была небольшая. Меня [отвели] к директору, открыла я дверь, на порог встала. А мне воспитательница говорит: «Войдешь — поздоровайся». Я говорю: «Здравствуйте». Он стоит, дядя, на меня смотрит и говорит: «Мариночка». А в детском доме меня звали Марка. Марка почтовая. Мара. Ну дети так. Он говорит: «Мариночка». А я не иду, думаю, мало ли всяких. Тогда он открыл коробку, а там кукла. Я [руки протянула] — и куклу [взяла]. И тогда уже и его обняла. И он заплакал. Потому что он мой был и папа, и мама. Он говорит: «Когда мама пришла из лагеря, стоит на пороге и говорит: „Доченька моя, а где твоя мама?“ Ты на меня показываешь и говоришь: “Вотя”. “А папа?” “И папа вотя тоже”». И папа, и мама тут. На дядю Володю. И так я его и звала — папа. Долго. Уже большая стала, уже вот сюда приехала. Я его папа звала.

00:35:44

А вы обижались на брата в детстве? Что вот его забрали, а вы...

Нет. Никогда. Нет. Я его очень любила, очень. Ну я же помнила, что он дрался, защищал меня всегда. И когда его взяли, у него в группе был Саша, мальчик, его ровесник, и он этому Саше сказал: «Сашка, смотри за Мариной». И этот Сашка меня защищал. Потом этот Сашка стал моряком, стал в Ленинграде. И я в него влюбилась, это была первая моя любовь. А потом моя подружка Муська, тоже детдомовская же, отбила его у меня. И я больше, наверное, лет пять вообще мужиков близко к себе не подпускала. Вот так было. Так тяжело было, ой! У меня прямо всё вот внутри... Я не могла поверить. И уже потом у меня с мужем было двое детей, я на них смотрела и думаю: я как же их люблю, а вот если бы они были Сашкины... Всё равно думала.

00:37:09

А у вас были отношения? Или это вы были влюблены?

Нет. Мы всё вот это... Сашка Трохачевская, которая сейчас в Ленинграде, вот эта Муська, и он, и Гарик — вот это мы все четверо были, друзья. Я приезжала в Ленинград каждое лето в отпуск, к нему, к брату. Он уже потом женился. Потом он умер в 1992 году. От рака желудка. Потому что вот его и мой брат двоюродный... Сын... Вера у отца была еще, сестра. А это Саша был. Мальчик у нее. И мы тоже поехали из Ленинграда, Саша, Гарик и я. Все. И в один детский дом. И когда нас привезли, на вокзале были столы. Иваново не бомбили, ничего, до Иваново немец не дошел. Его погнали от Твери, до Иваново он не дошел совсем. И они кто что принесли, стол был накрыт. И брат мой — я не знаю почему, может, ему дядя говорил что — не давал мне есть и сам немножко, немножко. А Сашка этот, ему было 12 лет, и брат ему говорит: «Не надо, Саша, есть. Нельзя столько есть». А он поел, и тут же он умер от разрыва кишок. Тут же умер. Вот это я помню. И вот всё говорят, что сколько-то там блокадников. А вот блокадники, которых привезли и которые умерли, например, в Ивановской области, их никто не считал. А это полно. Пол детского дома у нас на кладбище там лежит, в Нерли.

00:39:18

То есть много детей, когда вас привезли из Ленинграда, многие погибли. Почему?

Да. А потому что не ели, а поели, а потом дорога в один детский дом, в другой детский дом, потому что детские дома были переполнены. Вот после, когда кончилась война, [после] 1947 года, правительство дядям, тетям, дальним родственникам разрешало брать, кто может, брать детей из детского дома.

00:39:53

Марина Гансовна, а когда... Я так понимаю, что у вас была такая ленинградская, как сейчас говорят, тусовка? То есть вы приехали...

Да. Свои, родные. Мы с ней вчера переписывались, поговорили по телефону. Я ей говорю:

«Сашулька» — а она начинает, как мы... Она больше помнит, она с 1935 года. А я с 1938-го. И она начинает [рассказывать], как там... Вообще.

00:40:23

Я хотела вас спросить. Вы приехали своей этой группой детской, да?

Да, да, да.

00:40:29

И вот когда — вы сейчас ужасную вещь сказали, но я вас спрошу — когда уходили ваши друзья, как вообще это происходило?

Ой, а мы мучили директоршу, мы, кто остался, шли к ней и говорили: «А когда нас? Когда нас возьмут?» Мы же не знали, где у нас наши... Не знали, это ж я подглядела, что у меня там [отец] «в репрессии». А что такое эта репрессия? Мы не знали. «А почему нас не взяли?» Я, во-первых, ждала эту бабушку, Вальки Карлсона бабушку. А она осталась одна бабушка у него, ни матери тоже, ни отца. Вот как она его довела до взрослого состояния? И вообще пришла туда в дом. Там уже они не живут. А где их искать?

00:41:24

А кто... Я вас спрашивала, когда ваши друзья умирали, что вы как-то... Вы знали об этом?

Да, мы хоронили, ходили, ходили на кладбище, хоронили и потом весной ходили на кладбище, посещали кладбище, с Людмилой Николаевной, директоршей.

00:41:47

Ну то есть это были такие детские похороны, да?

Да, да. Ой. Быстренько. У меня у самой было всё тело, всё, вот вся спина в болячках. И это было года два, они не проходили. И меня звали «эскимо на палочке». Я никак не поддавалась, я не хотела есть, я не могла есть. Все дети там уже лопают, а я не могла, я ела только первое. Я и сейчас люблю первое, а второе как-то... Мне бы супчику, какого угодно. Вот так вот. И Сашка тоже так... Трохачевская. Она вообще, у нее такая семья, отец был поляк, а мать русская. Жили они в Ленинграде, где... Вы были, Вечный огонь, Марсово поле? И большое здание [с надписью] «Ленэлектро». Вот там они жили. В большой квартире. Между прочим, Свиридов там у них был в квартире, вместе они со Свиридовым, композитором, были. Какая у него музыка! Обалденная, вот за душу [берет]. Но у него был мальчик, сын. Мальчик играл на скрипке, это мне Саша рассказывала. А он ушел от жены, от первой, это от первой жены был мальчик, — и мальчик повесился. Представляете? А уже он маленький был, ему было 15 лет. Ну не вытерпел, что отец ушел.

00:43:49

Марина Гансовна, а кто с вами еще был в детском доме? Вы сейчас рассказали эту историю. Много ли было людей, у кого были родители репрессированы, например, говорили вам?

Не знаю, нет. Нет. По-моему, я одна. По-моему, я одна. И Людмила Николаевна очень ко мне хорошо относилась. Очень. Но по-разному, в смысле, у меня был из дома негритенок, я его очень любила. Я помню, на нем была белая рубашечка с голубыми полосками, в голубую полосочку, и штанишки на ляпочках черненькие. Она этого... И у нее были две дочери — Маша и Наташа. Наташа уже училась тогда в институте, а Маша пришла из армии. И из армии она привезла Аннушку тоже, дочку, эта Маша. Внучку Людмиле Николаевне привезла. И Людмила Николаевна отобрала у меня этого — для Анечки своей — негритеночка. И у меня была из всех... У меня много было очень одежды. Прямо список большой был в этом самом. Вот эту одежду она Анечке [отдала]. И была у меня шубка цигейковая тогда, шапочка и муфта коричневая. Тоже этой Анечке [отдала]. И вот окно было вот так вот в коридоре, и гулять выходила Анечка, ну, где они жили. Директорша жила в крыле, в конце. И Анечка выходила во двор гулять в моей шубке, а я глядела на нее и плакала. Вот так.

00:45:58

А вообще вещи друг у друга как-то отнимали? Нет? Вот там.

Нет. Там было всё одинаковое. Это вообще смешно. Как нас мыли. Это кино. Баня была на поселок одна, туда все ходили. Мы ее снимали на два часа. 120 человек в детском доме — надо

было всех помыть за эти два часа. Как нас мыли: человека четыре вот так ставили, попка к попке, лицом... Тазом обливали. Холодная, горячая [вода] — там не смотрели какая. Обливали, на лавки клали, мочалкой [терли]. А мочалки были — вот мочалки были! Не такие, как сейчас продают, а из лыка, вот из чего лапти плетут. Мочалкой спину [терли], поворачивали — пузо [терли]. Ставили опять, намыленных, опять так: одного к другому. Опять из одного таза [поливали], [хлопали] по заднице — одеваться. Вот так мыли нас. Это во было! Я внучкам рассказывала своим, они хохотали. Ух, говорят, вам...

00:47:22

А не было там стыдно как-то, нет?

Да вы что! Мы этого вообще не знали. Тогда это была такая скромность: «заднее место», «переднее место», мы не говорили «попка» там, «писка», нет. «По-маленькому хочу», «по-большому хочу». «Можно мне выйти по-большому?» — значит, воспитательница уже думала: быстренько придет или не быстренько придет. Пописать-то раз — и всё, а по-большому — это там подольше. Это так было. И никаких. Мы никого никогда не звали по фамилии. Все по именам. Людмила Николаевна нам сказала: «Вы не в рядах Советской армии, вы дети. Только по именам. Не смейте по фамилии».

00:48:20

Клички какие-то были у вас? Прозвища какие-то были?

Да. Мы друг другу давали, конечно. Это были. Я была Марка Почтовая. И Звездочка я была, что я быстренько всё делала.

00:48:33

И «эскимо на палочке», вы сказали.

И «эскимо на палочке».

00:48:36

А «эскимо на палочке» почему?

А потому что все поправлялись — нас каждый месяц взвешивали, медсестра, — а я, наоборот, худела. И я такая была: «Ну ладно, ну схватили мой кусок, ну и бог с ним там, ладно». Всё. Еще нам давали на ужин, я помню, кусочек хлеба, половинку свеколки на этом кусочке хлеба и какой-то кисель из муки. Но он так ужасно пах, что я есть хотела, но я не ходила есть, на ужин я не ходила, я пряталась, я не могла, меня тошнило. Вот гадина такая была. Да. Ну вот. И вот такие дела.

00:49:26

А когда брат уехал, вы как-то это переживали, может быть?

Очень. Очень. Ну Сашка мне помогал. Сашка всех сразу это — во! Они уже старшие были, старшие. И у нас дети были по 14 лет — без рук, которые с фронта, вот такие уже поступали дети. Два немца были, мальчики, Эдик Корбах и Альберт Зих. И Эдик Корбах. Альберт Зих был фашист настоящий, гад. А Эдик был хороший парень. Добрый, хороший.

00:50:13

А они были прям немцы-немцы?

Немцы-немцы. Вот откуда они были, я не знаю, откуда они были. Немцы-немцы прямо. Но потом их взяли, кто-то взял их, да. Не помню уже кто, но взяли. Многих, очень брали многих.

00:50:31

А брали по какому-то принципу или нет?

Нет. Нет. Свои брали. Свои. Тетки, дяди. Так не брали, нет.

00:50:41

А вас не взяли почему?

А потому что у меня дядя был, он не давал. Меня два раза хотели усыновить — он не давал. Не

разрешал. Потому что у меня есть родственник. И всё, он не разрешал. Он не мог, а не это...

00:50:59

А вы с дядей как-то связь держали, нет?

Да. Я ему письма писала, и он мне. И он меня учил русскому языку. Я ему писала письма — на следующий раз он мне присылал это письмо, и красными чернилами были — работа над ошибками. Вот так. Он мне мое письмо [возвращал], [правил] красными чернилами, где я ошибалась, и научилась, елки-палки. Но мы читали очень много, очень много мы читали все. Я была библиотекарем в детском доме. Хорошо было, мы дружно жили, дружно. Сами концерты устраивали, обычно на Новый год. И там было несколько групп же, старшие, младшие. Вот 20 человек у нас было маленьких совсем, ясельные, ну там до сада. А потом ученики, 100 учеников было. Из этих 100 учеников 20 были отличники, представляешь? На голодный-то желудок. А есть хотелось — не есть, а жрать! У нас трава не росла: мы траву всю съедали. На колхозные поля бегали, воровали колоски, воровали репу. Ну когда они чем засаживали, то и воровали. Капусту, самое главное, они у нас мальчишки уже большие были, приводили капусту, мы ночами капусту лопали.

00:52:41

А как вы вообще жили? Сколько вас было человек в комнате, распорядок какой?

30 человек в комнате было. У нас сначала были вот такие вот... Это была раньше школа, а теперь детский дом стал. И вот так вот. А было две школы у них, видно: начальная и дальше, та была двухэтажная. А это начальная, наверное. У нас было так: комнаты-комнаты, где мы спали, и большой коридор, и в конце коридора, видно, это учительский кабинет был, там директорша жила. И всё. Мы по этому коридору бегали как лошади. Там он, наверное, был метров 120, если не больше, а может, и километр. И вот директорша-то, она же уже старенькая была. И она выходила, ну, когда у нас было свободное время, она выходила и, как сейчас помню, глянет вот так и говорит: «Где их чертов воспитатель?» А чертовы воспитатели были такие девушки, как вы, лет по 20, и у них летчиками были ребята. И эти летчики... За детским домом была полянка, ничего там не росло, лягушки квакали, пруд был. Слушать лягушек ходили. А во как они поют на закате! Раздувают щеки и поют. Ну, а нечего было слушать-то. Интересно. И прилетали ребята. У-2. А У-2 — это... Вы не были в Музее авиации? Нет? Сходите. Там раньше висел. Он вот во всю эту комнату. Фанера, обтянутая перкалью, перкаль — это как ситец, только плотнее. И мотор. Вот на них летали. У-2. Фильм даже есть, там Жаров играет. Вот на У-2 же они летали все. А потом По-2. А По-2 уже это были фанерные эти... [Звонит телефон] Нафиг-нафиг, кричали гости.

00:55:01

А тогда нужно это [запись] остановить...

В них клали мы, ставили галоши. И они там садились и пели всякие любовные песни. А мы бегать начинаем, мы дети, хулиганили.

00:55:19

Марина Гансовна, а вообще о чем вы разговаривали там? Какие у вас были, не знаю, разговоры про что? Мечты какие-то?

Ой, да по-разному. Ну, во-первых, были дежурные. Каждый день мы должны были мыть свою комнату. Мы мыли этот большой коридор. Были дежурными. Когда дети ложились, дежурные... Вот 12 лет мне было, это вот дежурные по коридору. Это что? Это Людмила Николаевна, видно, они там так мыли в своем этом Институте благородных девиц полы. Пол был некрашенный, он был белый, вот такой. Кирпич терли, порошок получался красный, и голяком — веник без листьев, вот как у дворников, голый веник — вот этим голяком терли. В общем, наливаешь воду, на половицы кидаешь этот порошок, и вот мальчишки обычно, они терли, а мы смывали. Во пол был! Как яичко. Директорша выйдет утром и говорит: «Ну, молодцы, дети, кто дежурный был?» Да, хвалила.

00:56:48

А у вас была система премирования какого-нибудь? Что-нибудь можно было там?..

Нет, не было, не было. Это потому что очень всё было скудно.

00:56:56

Марина Гансовна, единственное, я вас хочу попросить. Вы могли бы вот... Потому что вы выпадаете из кадра совсем. То есть вы заговариваетесь и забываете, просто. По возможности.

00:57:09

Ага. Не было, не было. Ну... Вот когда был Новый год, у нас же был очень всегда хороший концерт. Каждая группа делала свой какой-нибудь спектакль. Кто танцевал, кто пел, ну, какой-то спектакль. Приходили дети поселковые. Всем, всем давали подарки. Такие же, как нам. А подарки были: апельсинчик был... Нет, мандарин, тогда апельсинов не было у нас. Мандарин обязательно. Или яблочко, или мандарин. Грецкий орех в фольге. Конфет пара штук, пара печенец. И потом уже, когда ближе... В 1948-м уже начали хлеб давать без карточек. Вот в 1947-м был самый страшный голод. А в 1948-м карточки отменили и хлеба вдосталь было. И директорша наша, умница большая, она сказала: «Дети, сегодня хлеба будет вдосталь, хлеб не прячьте». Мы поверили? Не поверили. И вот несут подносы — горка хлеба, куски нарезаны, чёрного [хлеба], конечно, белый там и не светил. Ставят на подносы — в момент хлеба нет. Все там — кто под матрас, кто куда. Опять принесли. Опять — но уже поменьше взяли. Уже досталось по куску съесть. Потом опять принесли. И вот когда уже третий поднос, то уже мы на него смотрели и думали: а куда же еще-то спрятать? И уже знали. Поверили, только тогда поверили. И вот эти подарки. И она давала этим детям поселковым тоже такие же подарки, как нам. Поселок небольшой был такой, там была текстильная фабрика, марлю выпускала. Там какой-то сельскохозяйственный магазин был, баня и текстильная фабрика. И деревянные домишки. И мы восстали. Пошли к директорше. Заревновали. И говорим: «А чего это им так?» Она говорит: «Дети, это же наши гости. Они такие же дети, как вы. У них и мама, и папа воевали, и тоже они трудно живут. И им тоже надо подарки». И мы поняли, что надо, нельзя. Вот она никогда не орала, никогда не орала. Когда я хулиганила, как я перестала хулиганить? Каждый день, перед тем как идти в школу, вот эта Мария Сергеевна, она нас проверяла, дочь ее, воспитательницей стала. И она была у нас вот такая, как солдат. Мы вставали, каждая группа, она смотрела: у всех ли портфели, у всех ли воротнички чистые, в общем, пуговицы, чтобы всё. «Мальчики! Магазины застегнуты!» Ширинки. Чтобы всё было. И когда приходили, и дневник проверялся. А у меня опять четверка, в четвертом классе. И она только, Мария Сергеевна, вот так рукой только махнула на меня — она подошла быстро к ней, говорит: «Маша, не смей! Марина, ко мне». Я пришла к ней в кабинет, она поставила меня вот здесь и говорит: «Мариночка, ты же умная девочка. Почему ты так?» А я говорю: «Людмила Николаевна...» Я и сейчас долго не могу сидеть, а тогда у меня мотор был в заднице. И я говорю: «Я не могу. Людмила Николаевна, вы попросите учительницу, пусть когда я устану, пусть я буду вставать». Она попросила. И я прекратила, да. И уже тогда у меня была пятерка. Но уже была пятерка в пятом классе. А в пятом классе нас уже на «вы» называли, на «вы» называли. Поэтому хулиганить-то я прекратила. Уже как взрослых. Вот так. Учителя были золотые, как они нас это... Кто ничего не понял, после урока поднимает руку. Вот кончился урок, там 10 минут до перемены, и она начинала: «Останься. Я тебе потом расскажу». Мы оставались. И вот у нас... А классы все были детдомовские, «А». И все хорошо учились. С удовольствием учителя шли к нам, все мы учились хорошо. Почему? Потому что, [например], я училась хорошо, а у меня была подшефная девочка, которая училась плохо. Галка, как сейчас помню, не помню, как фамилия, но она именно Галка, она хватала всё быстро, а толку никакого. У нее вылетало: в это [ухо] влетит, а в это вылетит. Она на трёшеньки училась. Но я должна была — все уроки сделали, можно было идти гулять — я должна была [сидеть], пока она сделает уроки, тогда только я могла с ней идти гулять, что Галя сделала. Потом ее, я помню, в слабоумных отдали. Ну, всякие дети были, всякие. Больные были, ой. Ну, дрались мы, да, между собой дрались. Бабы, 30 баб в комнате, ну. Кто разговаривает во сне, кто храпит, кто чего. Потому что же блокадные были. Я, например, не могла спать, я ночами ходила. Вот так было.

01:04:13

А снились кошмары после Ленинграда?

Маму искала. Еще какие. Всё, снились, танки снились и самолеты. Мы маленькие, вот мне было три года, брат, шесть лет ему было, когда был налет, он ходил на крышу тушить «зажигалки». Там стояли ящики с песком. Зажигательные бомбы: она бах — и разлетаются искры, и начинается огонь. И вот дети даже [ходили тушить]. И я орала, что он меня оставлял, а он говорил: «Надо идти, а то дом сгорит». И дом не сгорел. До сих пор стоит.

01:05:01

Это дети это всё делали, да?

И дети, кто мог, кто мог, и взрослые, и дети.

- 01:05:08 **Как вы вообще эти налеты, это были же, скорее всего?..**
- О налетах мы знали: когда наши летят и когда немцы. Они по-другому гудели, у них другие были это [самолеты]. И мы знали, когда прятаться в бомбоубежище, а когда сидеть дома — и никаких.
- 01:05:26 **А у вас далеко было бомбоубежище?**
- Близко, у всех близко было, у всех, потому что дома были старинные, мы же жили в центре.
- 01:05:36 **А где, вы же на Ваське жили, на Василеостровском?**
- Да.
- 01:05:39 **А где там на Ваське бомбоубежище было?**
- Да я уже сейчас помню?
- 01:05:43 **Да я просто вот...**
- Я могу показать, когда туда [попаду].
- 01:05:46 **Близко, получается, к реке или на одной из линий было?**
- Нет, на одной линии, рядом, в доме, в подвале. Дома-то были громадные.
- 01:05:56 **А оно было как-то специально сделано?**
- Нет, ну, в подвале. Раньше же в подвале эти жили, дворники. Ну и там было бомбоубежище, мы сидели. Вот так.
- 01:06:07 **А часто бомбили вообще?**
- Очень, очень часто. Это вообще кошмар был. Это вообще кошмар, да. И это самое, листовки кидали: «Ленинградские матрешки, вы боитесь бомбежки. Победа будет наша, а в Ленинграде будет каша». Вот такое вот.
- 01:06:31 **А вы как-то поднимали листовки?**
- Поднимали, читали.
- 01:06:37 **А была какая-то система оповещения, нет?**
- Да, да, да. Вот такие были репродукторы. Они были черные, картон такой черный. Вот они такие были, репродукторы, и говорили: «Внимание, внимание, воздушная тревога». Уже идут они когда на Ленинград. Даже в 1942-м, когда блокаду сняли, первую, первая была блокада — сняли, но не это. А уже 27 января — это уже полное снятие было. Ну, всё равно было очень тяжело это. Ни воды не было, ни электричества, ничего. Горшки выливали во двор. Там всё было льдом покрыто. Но не болели люди! Голодные были, но не болели, умирали только от голода, никаких не было. А крысы, когда это самое, — это уже дядя рассказывал, когда прорвали блокаду, — крысы ходили на водопой, на него, громадные стадами. Кошек, а кошек всех съели и собак сразу съели.
- 01:07:56 **А вы тоже? У вас, в вашей семье не было?**

Нет, не было.

01:08:01

Как вообще вопрос еды решали?

Немцы кошек... До сих пор кошек... Я хорошо к ним отношусь, но я могу собачку завести, но я сейчас не могу, потому что я старая. Но у сына есть, я хожу, она меня очень любит. Мы с ней друзья. И тогда кошек привезли из Новгорода, из Пскова кошек вагонами [везли], чтобы они ели этих крыс, изничтожать крыс этих. Да. Вот так. Потому что трупы-то валялись везде. То, что показывают по телевизору [это не то], это надо было видеть. Детей ели, ели маленьких детей. Вот эта Рита, моего племянника мама, она рассказывала, говорит: «Мы тебя взяли, ты хорошенькая была, мы тебя одевали — и с подружками [гулять шли]». А ей 12 лет было. Она говорит, чтобы жрать не просила, гуляли. И говорит: «Идем с тобой, а люди говорят: „Отвезите девочку домой, ее украдут и съедят“». Говорит: «Пошли, отдали бабушке тебя». Вот так. «Не стали, — говорит, — ходить с тобой».

01:09:31

А вообще, ну то есть даже можно было на улице, да, мертвых людей встретить?

Полно, полно. Падали, падали прям. Пойдут вот за хлебушком этим или за водой, воды же не было. На Неву ходили за водой, это хорошо, мы рядом жили. А кто дальше?

01:09:51

А то есть была вода только из реки?

Да, лед долбили и [зачерпывали]. А люди были хорошие. У тебя нету этой самой — тебе зачерпывали и давали.

01:10:04

А как-то фильтровали воду, нет? Очищали?

Что ты, миленькая.

01:10:10

Ну дома, не знаю, что-то, нет?

Кипятков. Нет, кипятили только. Только кипятков. Кипятков. Только кипятков. И топили. Чем топили? Вот разбомбят дом — шли и брали там доски, всё вот это и топили этим. И топили, я помню, мы уже книгами потом, снимали с книг, с форзаца снимали, там тоже был клей столярный, мы его счищали, его размачивали и ели, а книги палили.

01:10:43

А как вообще решали вопрос с едой? Были какие-то карточки, мама куда-то ходила?

Были карточки, да. Были карточки. Ну, давали на рабочего побольше, а на меня, Гарика, бабушку и маму — 125 грамм. А что это такое? Вот такой кусочек. А там же и не хлеб был, там же и не хлеб был. Там не поймешь что. Я помню, картошка там была, какая-то труха там была, вот это я помню. Ну, его съешь, проглотить — ни жарко ни холодно.

01:11:23

Но вы же были очень маленькие, вы просили есть постоянно. Что вам вообще мама говорила?

Да. Постоянно. А я и говорю потом брату: «Мы маму с тобой и бабушку съели». Потому что они нас кормили, наверное.

01:11:37

А получается, и мама, и бабушка от голода [умерли], да?

Да. А мы остались. Мы остались. Ну, и что я могу сказать? Бабушка была немка. Бабушка была при царском дворе, служила, за ней пришли. Когда умерла мама, а следующей, наверное через несколько дней, бабушка. И брат говорит: «Я их закрыл простынями, и они так и лежали, как умерли». Но это мне брат рассказывал. Я говорю: «Как мы их похоронили? Где мы их

хоронили?» А он мне рассказывает, говорит: «Я их закрыл, и все. И мы жили», — говорит. А приходили, вот комсомольцы были там, люди, ну тоже волонтеры были. Ну их тоже подкармливали немножко. Они ходили, смотрели, кто жив, кто не жив, как там люди. «И пришли, — говорит, — пришли брать бабушку», арестовывать бабушку, 73-летнюю. «Анна Генриховна у вас?» Да. Это брат мне рассказывал. И говорит: «Я говорю: „Да, Анна Генриховна, вот“. Откинул простынь. „А это дочь ее, Мария Васильевна“. Они, — говорит, — поворачиваются и говорят: „А, умерли, ну мы пошли“». А он говорит: «Нет, вы не пошли. Забирайте. Вы за ними пришли, забирайте. Они, — говорит, — пошли, принесли санки и положили их на санки. Здоровые санки», — говорит. Завернули в простыню и обоих [увезли]. И всё. И я потом узнавала, где они, вот у этого мужчины, отец Владимир. Ну, я знаю, где церковь, забыла, как она называется, но я знаю, где эта церковь. Мы ходили, сейчас скажу, с этой женщиной, нашей блокадницей. И он сказал, он как раз занимался этим, где кто похоронен, как — блокадники. И он сказал, что на Пискаревском, где 1942 год, там они. Там рыли траншеи и всех [хоронили].

01:14:03

Ну это такая братская могила, да?

Да, да.

01:14:07

Марина Гансовна, а получается, мама, бабушка умерли, да? Они там с вами были. А потом вы какое-то время одни жили?

Одни жили. А дядя Володя там был, когда его отпускали, я не знаю, вот не помню, я не могу сказать, когда он пришел, когда он нас в детский дом определил. Но брат у меня умный мальчик был. Но дядя Володя потом рассказывал, говорит: «Он такой избалованный был дома. Мы так его любили, — говорит. — Тебя как-то потом уже. А вот он первый ребенок, мальчик». Как говорится, краса и гордость всей Одессы. Ну вот. И говорит: «Когда меня демобилизовали на фронт, мобилизовали, а я говорю: „Гарричек, ты один остаешься, мама и бабушка с тобой, а ты мужчина. Ты помни, что ты один, и Мариночку ты не бросай, она твоя сестра“». И он меня не бросал, он меня в бомбоубежище тащил. А я зараза была. У меня был костюмчик синенький шерстяной, рейтузы и свитер, и туфельки синенькие. И красенький — и туфельки красенькие. И я начинала орать, потому что красенький костюмчик очень кусачий был, а синенький мягкий, а он никак не мог найти. Синенький мне одел, а туфельки красные. А я орала, говорю: «Давай синие». Он: «Да бомбежка уже началась, это всё. Мы не успеем с тобой». «Как же я пойду в красных туфлях и в синем костюме?» Я орала. Он нашел.

01:16:00

Он никогда вас там не [нрзб]?

Нет, нет, нет. Если бы он меня бросил, я бы не жила, просто не жила.

01:16:08

Нет, ну то, что грубо как-то вас там...

Нет, не орал, никогда не орал. Он только плакал, когда я не слушала что-то. Он плакал, говорил: «Ну чего ты». А я орала, требовала, потому что он старше был.

01:16:21

А какая разница в возрасте была у него?

01:16:24

А?

01:16:25

У вас разница в возрасте какая была? Сколько ему было лет?

01:16:29

Четыре года.

01:16:31

То есть если вам шесть, то ему десять, да? Он тоже маленький.

Да, да.

01:16:36

А как вы прожили вот это время без мамы и бабушки? Как вы вообще выживали?

Он умный был, я начала рассказывать. Флот Балтийский в Неву пришел, и вмерзший в Неве был флот. И был крейсер «Марат», флагман Балтийского флота. Вот это я помню. И он, когда мама и бабушка [умерли], через несколько дней, он к кастрюле, зеленая была кастрюля, к ручкам, веревочку [привязал] — и себе. И меня за руку, одел. «Пойдем». А я говорю: «Куда пойдем?» «Ну, куда? Надо искать поесть». Пошли мы с ним. И вот пришли мы к Неве, к этому крейсеру. Там часовой стоит. А он говорит: «Дяденька, а наш папа тоже моряк». И он его пустил. На кухню-то мы быстренько сами пришли. И вот я помню, повар нам положил. А он подошел и говорит: «Дядя, наш папа тоже моряк». Он ему положил рисовой каши и сверху компота. И мы сели в стороночку, на палубу, и стали есть. А ложки он не захватил. И он зачерпывал и давал мне рукой своей, и я ела, и он ел. Вот так. Это мы ходили несколько раз.

01:18:25

А потом уже пришли кто-то и взяли нас в детский дом. А в детском доме кровати были с сеточками железные. А матрасов на них не было. Вот мне говорят: «Вот кровать». А я кричу: «Гарик, а где матрас?» Нет, матраса. «Мариночка, снимай шубку, клади, а шапочку и муфту не снимай, ручки в муфту клади — и спать будешь». Мы спали. А потом в детский дом когда приехали, вот такие вот были топчаны. Вот так вот, «козлы» мы их называли. Две палки вбитые и тряпка между этими двумя палками, как гамак какой. Две таких этих, «козлы». И по двое положили, потому что не было куда, на пол нельзя, холодно. И вот нас клали. Да как ты там [разместишься], двое-то? Как ты там, двое? Один туда, а другой на него. «Подвинься, я тоже хочу». Дрались. Один поспит чуть-чуть, потом другой поспит чуть-чуть, вот так. А чего, дом-то этот был в сарае, в общем, из больших бревен. А морозы тогда были 40 градусов, снегу было — во [сколько]. Правда, мы маленькие были, но вот [сколько]. Снег был какой красивый! Чистый. Не было вот этой сырости, не было вот этого. Сухой. И мороз сухой. И вот эти бревна аж трещали. И вот в окне. Какая красота была! Вот такие ветки еловые, разные звездочки — это иней так делал. Ой, какая красота была! И внутри в каждой спальне была печка, железная печка. Мы ее топили, кто был дежурный, тот топил. А мы все собирались: «Сегодня твоя очередь читать, завтра девочка, потом моя». Вот так. И мы читали, я помню, Шекспира всего читали, по ролям. Читали много, очень много читали.

01:21:12

Марина Гансовна, а я вас еще хотела спросить. Вот вы про Ленинград рассказывали, да? Про то, что клей размачивали, и про чувство голода, я так понимаю. Вот я очень плохо голод переношу вообще, у меня начинает сразу болеть голова, становлюсь раздражительной. Я вот вас сейчас слушаю и думаю: а сколько вы могли не есть, например, и как вы с этим справлялись?

А пили-то, пили всегда. Еловые ветки — полно было, трава была, вот это мы пили. Сначала у кого чего какие-то запасы были. Я помню, сухая морковка была, бабушка заваривала. Вот кто чего, где, у кого. Ну вот хлебушка, ходили, да. Кипяточек, елки-палки, да.

01:22:05

А кипяточек выручал, то есть попьешь и [нрзб]?

Да. И вроде много там влито, тепло в пузе. Да.

01:22:13

Но когда же голод сильный, ты же не можешь уснуть, например, да?

Ну и всяко было. А чего? Мы же знали, что кто даст? У мамы нет, у бабушки нет, ни у кого нет.

01:22:26

А вообще, как-то вам — мама, бабушка, брат, — кто-то объяснял? Потому что вы же

как бы немцы, получается, бабушка немка. А немцы бомбят, да? Здесь не было, как сказать, вот этого какого-то?..

Нет, нет. Вот этого не было. Нет. И я говорю, даже когда лагерь был, вот этот немецкий военнопленный, мы, дети, у которых у всех были почти побитые отцы, да? И все их жалели. Там просили они лук, мы, кто дежурный по кухне, кто смог, чего-то давали им, да. И хлебушка тоже давали. Нам там давали, и мы им давали кусочки.

01:23:13

То есть вы делились с немцами? Вы делились с немцами за игрушки?

Да, а то, что, да.

01:23:18

А какими они вам казались тогда?

Да они хорошими были, они добрыми были. Там не было фашистов, нет. Эсэсовцы — это другое. А эти были, этих, наверное, забили — и всё, как в нашу мобилизацию сейчас. Вот так.

01:23:37

А вообще ждали ли вы конца войны в детском доме?

А эти итальянцы научили нас играть в жучка. Это как? Вот, сейчас я вспомню. Вот так ухо закрываешь, ладошку вот такставишь. А кто там ведущий, он тебя по ладошке [хлопает], и ты по тому, как тебя бьют, узнавала, кто бьет. Вот так они научили нас. Но они с оружием ходили, итальянцы. Была у них проволока, колючая проволока, но всё равно они никуда не бежали, ничего.

01:24:21

Вы ждали конца войны в детском доме? Как вообще? Что про войну дети говорили?

Ну когда кончилась война, я помню, нас вели на прогулку. Это было, наверное, в Кинешме еще. И идет бабушка. И, что мне запомнилось, плачет, а слезы вытирает не платочком, а бумажкой, вот это я запомнила, бумажкой. И говорит: «Детоньки! — Ну видит, что мы парами идем, дети. — Детоньки, война кончилась». Вот это я запомнила. И в этот день давали нам гороховый суп, вот это я запомнила, гороховый суп.

01:25:07

Марина Гансовна, а вообще, про Сталина вас спрошу, как-то фигура Сталина присутствовала, не знаю, висели ли портреты, что вообще говорили?

О! Да, везде, всюду. Это отец наш родной был. Когда он помер, нам сказали, дети плакали все, трясся пол даже, как вот. Что мы теперь будем делать? Умер Сталин. А пели-то: «О Сталине мудром, родном и любимом прекрасную песню слагает народ». Да, это всё, всё только Сталин. И как там: «Артиллеристы, Сталин дал приказ! Артиллеристы, зовут Отчизна нас! Из сотен тысяч батарей за слезы наших матерей, за нашу Родину — огонь, огонь!» И песни-то пели всё про Сталина, все песни-то, и детские, у нас были, всё про Сталина.

01:26:23

А детские какие? Какие детские песни про Сталина?

01:26:26

Какие песни? Сейчас вспомню. Ну, много разных. Там вот Маршак, на его стихи. «Дуют ветры в феврале, воют в трубах громко [громко]. Вихрем [змейкой] мчится по земле белая [легкая] поземка». Что-то, «самолетов звенья. Слава армии родной в день ее рожденья». И потом... Да много там. Ну а потом уже нормальные были песни, тоже детские я вот внучатам пела, про кукушку, про ручеек, про всё. Детские песни, они у меня все тут [в сердце]. А про Сталина — я помню, накрывают к ужину столы, а мы все, чтобы мы там это, сидим и ждем, когда накроют. И вот пели. Лампы горят по стенам керосиновые, со стеклами лампы керосиновые. И мы поем партизанскую песню: «Ой, туманы мои, растуманы, ой, родные поля [леса] и луга! Уходили в поход партизаны, уходили в поход на врага, уходили в поход партизаны». Вот эту. А потом: «А ну давайте, дети!» «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спале-, Москва, спаленная пожаром,

францу-французу отдана». Все пели, всякие

01:28:39

Вы были какие-то певуны вообще.

Да, пели всегда. Я же говорю, мы заняли среди Ивановской области первое место и поехали в Большом театре [выступать], у меня есть это...

01:28:54

Смотр был или что?

Да, смотр художественной самодеятельности. Как раз, когда Сталин, и был Маленков после Сталина сразу. Вот был концерт трудовых резервов со всей России, со всех республик, эстонцы, латыши, а у них нет буквы Р. И они пели: «Слава тебе, родная держава, слава твоим...» Не Р, где Р, они Л пели. И им говорили: «Молчи». Вот так.

01:29:40

А были ли вы пионеркой?

Обязательно, обязательно. Пионерка, комсомолка. А вот в партию уже я не пошла. Звали меня много раз, но тут [в сердце] у меня было видно, что так: нет и всё. В партию я не пошла.

01:29:59

А в пионеры хотели, помните?

В пионеры да, все хотели, все. Если в пионеры не попадешь, значит ты вообще не человек, не поймешь кто. Пионер — это всем пример. Учиться надо хорошо, себя вести хорошо, стараться.

01:30:22

Что вам вообще ваши старшие, ваши учителя, ваши воспитатели [рассказывали], как-то вы следили за ходом войны? Вы же жили в военное время.

Мы-то были маленькие, я была маленькая. Ничего не следили, только у нас же была железная дорога. Через немножко погода — елочки, они скрывали, чтобы снег на железную дорогу не валился, елочки были, преграда такая. И мы в этих елочках сидели и смотрели на железную дорогу, и везли солдат — и оттуда, и туда. Вот это мы видели, мы им руками махали, они нам. А когда в 1947-м, когда их уже стали везти обратно, они нам кидали галеты, печенье, конфетку, кто что может, кто сахар, кидали. И мы — а это было так: откос такой, и вот на откос это всё падало, а там дальше железная дорога, — и мы это всё хватали, кому что. Но делились все. Дядя мне уже потом, в 1948-м присылал посылки: ириски «Золотой ключик» и сушки, до сих пор сушки люблю. И 30 человек в спальне были. Открываешь коробочку эту — и доставалось всем по сушке и всем по ириске. И мне тоже. А если бы я никому этого не дала, так, я поставила коробочку под свою коечку и пошла в туалетик. Пришла из туалетика — простите меня. Вот так.

01:32:20

А вы до какого года были в детском доме, получается?

До 1954-го. 17 лет когда мне, ой, 14 лет когда мне было.

01:32:31

А попали?

В ремесленное [училище]. А попали — четыре года было. 10 лет, считай, 10 лет.

01:32:41

10 лет. Это вас уже брат забрал во взрослом, получается, возрасте, да? Из детского дома.

Нет. Дядя. Дядя. Но не из детского дома, а из ремесленного [училища]. Уже меня распределили, и он, чтобы получить распределение сюда на фабрику Фрунзе, — тут была текстильная фабрика, — он ходил каждый день на Садовую-Самотечную улицу, там было управление трудовых резервов. И он ходил к этой тетеньке после работы каждый день. Она его

из двери — он опять на следующий день, она его выгоняла, она говорила: «Пойми, я не имею права. Там она живет, там работать и жить должна, всё». Но он вымолил. И вот когда я пришла за этой путевкой туда к ней, чтобы на фабрику, она мне сказала: «Кто он вам?» Я говорю: «Дядя». «Это не дядя, — говорит, — у вас, это отец». «Так отцы, — говорит, — не поступают. Вы ему золотой памятник при жизни должны поставить», — она мне говорит. «Я его гнала каждый день, а он каждый день приходил. Он, — говорит, — вымолил эту путевку для вас». Хотя я на отлично кончила ремесленное [училище]. А кому это больно надо? И мне тут дали метлу, а не станки, потому что я попала неудачно: как раз на фабрике снимали механические станки и стали ставить автоматы. А механические — ткачиха на четырех механических работала, а на автоматах на сорок[а] четырех она работала, одна. Почти полцеха. Ну и кто меня поставит, когда высвободились квалифицированные рабочие? Мне метлу дали. И всё.

01:34:52

Вы же еще учились, по-моему.

Ну так я училась в техникуме и работала, на вечернем, техникум был вечерний. Он прямо при фабрике был, техникум. Вечером я шла, да, учиться.

01:35:07

Какое впечатление на вас вообще произвела Москва?

Ой, это вообще! Так интересно было! А как же было здорово везде, ребята! Вот мы пришли с ним в булочную, как в Третьяковскую галерею. Что ж там только не было, каких там булочек не было! Всяких разных. И сухари, и сушки, и всякие соломки, вкусные, сладкие. Коробок с печеньем, с конфетами! Я встала, открыла рот и стояла. Он мне что-то купил, я помню. И конфет было, каких только не было! Ребята, тогда шоколад был уже, я когда работала, шоколад был, не знаю, куда сейчас они его девают, тогда лом был шоколад[а], и он мало-мало стоил. А он был вот такой! Его надо было долго-долго сосать, он долго не таял. Сейчас молочный, это фигня. Ну вот. И вот я лом этот покупала, когда после полочки, лом покупала. Ну, в общем, весело было мне жить, весело. А есть — это килечки, килечки, хлебушка, батон, вот за 13 был батон. Он был такой серый, не очень белый. Или за 28 была такая здоровая хлебина. Или за 20. Ну, я батон покупала за 13. И чай, вот это было моё, чай и батон, вот это я кушала. А так придёшь в продовольственный, где колбасу продают, нанюхаешься — и домой в общежитие, потому как денег не было. Дядя меня приглашал в гости в воскресенье, на обед. И тихо от жены — а у него свой мальчик был и Гарик, — тихо от жены, я не знала: приходила в общежитие, а у меня в кармане рубль. На рубль можно было жить. Вот так.

01:37:39

Жена недолюбливала вас, да, почему-то?

Да. Да. Не знаю почему. И умерла. Она меня очень ревновала к нему. Очень. Я помню, она мне такой концерт устроила. У нас в семье было, ну и сейчас вот мальчики мои, целовались мы, когда кто-то уходил, в щечку целовались. В губы никогда, в щёчку. И она вот это: «Ты его много целуешь. Он же твой дядя, а не папа, чего ты его?» А у меня к нему была любовь незнамо какая. Я рада была, что у меня есть человек, близкий мне человек. Гарик и он. Ну вот. А она вообще была... Хотя сама она была тоже, ну, она в детском доме не жила, но тоже была сирота, ее воспитывала тетка, не мать. Но всё равно она вот вредная была. Вот вредная.

01:38:39

А к Гарику хорошо, да, относилась?

Ага. К Гарику... Она и до смерти Гарика любила, просто любила. Вот не знаю. Но он на папу был похожий, красивый был парень.

01:38:53

Скажите, после смерти Сталина что-то поменялось вообще, по вашим ощущениям? В жизни вообще?

Да, да-да. Во-первых, всегда, и при Сталине, и после, всегда в марте, по-моему, 1-го, или 1 апреля всегда снижались цены на продукты. На немножко, но снижались. Этого ждали люди даже. А потом было более так... Жили, знаете как, люди? Боялись всего. А я была ткачиха, я говорила громко, я и сейчас громко говорю. А тетя Аня, — они же все напуганные были, — и она всегда говорила: «Стены с ушами, Маринка, стены с ушами. Говори тихо, стены с ушами». Почему? Потому что много разбомбили домов, и квартиры перенаселенные были. И вот ты мне не понравишься, я пойду и скажу, в милицию схожу и скажу: «А вот она про Сталина говорила

то-то, то-то». Тебя забрали быстренько. У него же школьная тетрабочка была, и написано, друг его подсел, друг, с которым вместе учились, который завидовал ему. И дядя и тетя Аня, они мне потом сказали, — жена дядина, тетя Аня, — они сказали, что это Володя сделал. Он... Ночь, арестовывали ночью. Ходил, говорит, каждый день. Вместе учились они в институте. Жил на Фонтанке, дом 30, я запомнила. Это было в этом, дело давали мне читать. И подписку сделали, что «я не буду ему, никому из них, семье их, мстить». А я говорю: «Да пошли они, буду я им мстить». Ну, товарищи, когда я оттуда вышла, с Лубянки этой, когда я почитала, какие глупости там были написаны, что его вербовал профессор института как шпиона. А профессор института умер в 1935 году, а в 1938-м его вербовал. И начало красивым почерком написано отцовским, начало этого дела, тетрабочки этой. А конец — одни кляксы и такими буквами ужасными, видно, ему руки отбили все, отцу. Вот я поняла. И когда этот мужик пришел забирать дело, он, видно, понял, что я... И он только мне говорит: «Вы не переживайте, я только могу вам сказать, что их, кто [доносил]»... Ну, в общем, конвейер был: вот этот Володя на отца [доносил], а потом Володю сажали и тоже расстреливали, чтоб была тишина. Ну и вот, давно расстреляли, а мать ходила, передавала гостинцы до самой войны. Пока война началась, пока нечего было относить. А она ходила в «Кресты». И брали! Представляешь? Во!

01:42:48

Мама ждала?

Да. Мама ждала. Мама ждала, мама любила его. А он правда был такой хороший, вот все отзывались о нем так хорошо.

01:42:59

Марина Гансовна, а когда вы...

И она его вот, не любя вышла, но потом полюбила, потому что он был очень хороший.

01:43:08

Когда вы узнали... В детстве вы прочитали, что вы репрессированные, да? А когда вы узнали и поняли, что ваши родители репрессированы? Сколько вам лет было вообще?

Ой, это я когда уже приехала, когда дядя Володя меня взял. Когда Хрущев на XX съезде сказал про всё про это, да? Про лагеря, про всё. И я к дяде Володе поехала и говорю: «Дядя Володя, а вот это самое — как?» И меня же вызвали на Лубянку, и я же... А он говорит: «Пиши в военный трибунал письмо Ленинградского района». Военный округ. И я написала, вот сверху лежат...

01:44:08

Посмотрим, да.

Да. Вот сверху лежат, вот это прокурор Ленинградского, города Ленинграда, пишет. Прокуратура АССР. Он пишет, что «для разрешения принадлежности направляйте военному прокурору Ленинградского военного округа, улица Каляева, дом 19». И я написала, улица Каляева, дом 19. Это было 24 февраля 1964 года. Вот когда только я написала, вот когда у дяди, дядя мне рассказал, а то не рассказывал и боялся. Боялись, люди друг друга боялись. Боялись люди друг друга. Сегодня ты, а завтра тебя, вот так было.

01:45:14

А дядя как рассказал вам? Вы сами потому что спросили, да?

Да, да. И он сказал, что пришли забирать ночью. «И самое главное, он же, — говорит, — у нас не жил. Он же пришел к нам. А вот всё добро, которое было у бабушки, от царицы, они всё взяли. И даже простыни, полотенца, все были с монограммами, с вензелями, столовое серебро, фарфор, всё взяли». Ага. И я им говорю, на Лубянке: «А где всё это?» А они мне говорят: «Откуда ты знаешь?» Я говорю: «Дядя мне сказал». «Зови дядю». Я пошла, привела им дядю на Лубянку. Они ему говорят: «Ну что мы можем вам сказать?» В деле вырваны листы были, о том, что... Говорит: «В деле этого нет». А вырваны листы были. И они мне тогда, мужик сказал, говорит: «Они брали это всё себе. Они конфисковывали и брали себе». Поэтому они вырвали листы. Ну, этот мужик мне сказал, что «я только могу вас успокоить, что их тоже расстреляли всех потом уже». В другом, как говорится.

01:46:43

А вы реабилитированы?

Да. Вот у меня всё есть.

01:46:47

Вы получаете какую-то доплату за это?

Мы получаем.

01:46:53

Давайте я возьму, потом посмотрим отдельно.

Да, да. Мы получаем. Я... Всё, что есть в России, у меня всё есть, льготы. Я ветеран труда, с 14 лет я работаю, до 54, до 56 я работала. Ну сколько это стаж, сосчитайте. Я ветеран труда, у меня есть медаль и книжечка. Я реабилитированная. Я блокадница. Я инвалид. Дают только одно что-нибудь. Блокаду я получаю, она побольше. Ну, больше инвалидность, но если бы у меня была первая группа, а у меня третья. А третья у меня почему, у меня очень болела голова, всегда, с детства, после блокады, видно впечатление это детское так и осталось. Она у меня трещала, как будто топором [ударили]. Никто ничего не находил, я ходила к врачам. И одна только, врач-невролог, я попала к ней, я ей рассказала, — между прочим, еврейка, — и она мне говорит: «Хорошо, Марина, я в комиссии этой участвую, я тебе дам третью группу, приходи на комиссию». И дала. И у меня написано «общая». Она, значит, раньше было, — я не знаю, как сейчас, — раньше было: через год ты должна была подтвердить инвалидность. Как будто у тебя нога выросла! Ты инвалидность по ноге [получаешь], потому что без ноги, а как будто она у тебя выросла, подтвердить надо. А у меня прекратилась голова болеть, только когда у меня прекратилась менструация. А недавно Мясликов по телевизору сказал, что это была мигрень. И оказывается, вот как раз когда кончается менструация, начинает организм перестраиваться, и он у меня перестроился.

01:49:16

А какие-то вообще воспоминания из детства вам сейчас приходят? Это до сих пор в вас [нрзб]?

Конечно, конечно. И вот блокаду, это я... Про папу расскажу, про блокаду я не буду, уж очень это вообще... Я вам дам телефончик, если про блокаду вы хотите.

01:49:38

Да, я у вас возьму вашей подруги в Ленинграде, да? У нас просто есть... Поделитесь контактом? 1935 года которая уже у вас...

Ну, она инвалид тоже. Она инвалид с детства. Вот почему я ее любила и мы с ней сдружились. Дети же очень жестокий народ. И ее не любили. А она была, вот у ней эта ручка была такая, и вот так пальцы были. А эта ручка у ней была вот так, вот такая маленькая и два пальца были сросшиеся, тоже три пальца. А почему? Папочка ее, — старший брат у ней был, и вот мама забеременела, — а он перед войной, — ну она с 1935 года, Саша, — а он получил от работы путевочку и поехал, один, без жены, а жена беременная была. И он ей фотокарточки слал, как он там с бабами, фотографировал. И мамочка будущая, Сашина, начала пить таблетки, чтобы Саша не было. А Саша родилась, а вот уродом, и нога одна у ней была короче другой. А когда она к нам попала в детский дом, Людмила Николаевна уже, — а она же старше меня была, — хватилась, что можно операцию сделать, но тогда не было вот этого... Сибирский хирург, который занимался ногами детскими. А тогда не было. И до семи лет только было можно с ней, чтобы ногу нарастить. А она уже была [старше], ей было уже 10, когда к нам в детский дом она попала. Людмила Николаевна отвезла ее и привезла назад. Но правда, тогда было — насчет Саши это я, — тогда было семь классов, и всё. Но она многих устроила всё равно сама на свой страх и риск. Видно, она не боялась ничего, молодец. У нас был мальчик один, он рисовал и вышивал лучше всяких девочек. Как же он вышивал! Вот как картину нарисовал. Да, Витька Бочков. И она его отвезла в Палех, Палех был недалеко, и потом — у меня есть даже брошка. Я когда взрослая уже, замужем даже была, на экскурсию мы поехали в Палех. Раньше там были месткомовские экскурсии профсоюзные по разным городам. И я его там встретила, у него трое детей, женат он. Обнялись мы с ним. И он говорит: «Ой, сейчас, подожди». Показал шкатулку, но шкатулку он не мог подарить, а вот эту брошечку подарил мне. Могу показать ее. И она вот этого Витьку... Девочка была у нас, красавица, вот русская красавица. Косы были вот такие, ниже жопы, простите меня. Голубые глаза. Ну вот Люська Пименова, до сих пор помню. И она ее тоже отправила в Ивановскую область в педагогический техникум. И как она уже это — не знаю. И так же Сашку Трохачевскую, она, помню, стоит и говорит: «Ну и куда вот я ее в ткачихи?» А были ткачихи или поварихи. А поварихи, я глядела, как наша тетя Шура вот такие котлы на плиту поднимает, думаю, это я [не смогу], елки-палки, она здоровая была, тетя Шура. Думаю, нет, я лучше в ткачихи, пошла я в ткачихи. Ремесленных два было: или повариха, или ткачиха. А Сашеньку она тоже [устроила], и Сашенька стала потом с первого по четвертый [класс] преподавать. Да. Сашенька молодец. Я вам ее не дам, не надо, она инвалид. Вот вчера я с ней разговаривала. Она всё равно деток себе тоже приобрела, девочку и мальчика. Я поехала отдыхать, когда уже сама стала работать. Была такая разнарядка, что ты ленинградец, ты

можешь вернуться. Но брат мой вернулся и женился, и уже у него была квартира, как говорится, с женой и с ребеночком, я им не нужна была уже там. А Сашкин брат вызвал ее, и она с ним жила вот сначала на этой самой, Ленэнерго. В свою квартиру вернулась. А потом им дали на окраине Ленинграда, Народного Ополчения. Сейчас она там живет в квартире с дочкой. Аленушку она тогда родила, а я замуж вышла. И вот она родила и отдала ее в дом ребенка, до годика можно было, не отказываясь от ребенка, вот когда ему годик, она должна была ее забрать. А мы переписывались. И она мне пишет и говорит: «Маринка, ну и нафиг, оставлю я ее в детском доме. Мы сами выросли». А я ей говорю: «Саш, ну ты чего?» И вот с этим Сашкой, с моряком, и я, и она, мы говорим: «Давай бери Аленку». И она взяла Аленку, красивая девочка, от грузина. Она поехала отдыхать и там спроворила. А потом еще мальчика организовала себе. Но мальчик тоже инвалид. Он служил тоже в морских войсках, и видно... Ну не знают, какая у него болезнь, но у него опухают руки — и ничего сделать не могут. Его комиссовали потом. Ну что-то там он подхватил. Ну хорошие, дети хорошие. Вот она с Аленушкой живет, а мальчик у своей жены живет, тоже женился. Ну слава богу, вот мы так перезваниваемся. Но я ей звоню и кладу трубку, говорю: «Саш»... А они, ленинградцы, могут бесплатно позвонить, а я не могу, с меня берут деньги. А там они могут. И я вот ей звоню и говорю: «Сашка, давай поговорим». Она мне звонит, и мы начинаем трехать, да долго.

01:57:04

Марина Гансовна, а можно я вас еще спрошу? А вы когда-нибудь чувствовали на себе?.. Вот вы больше как бы про блокадный Ленинград, про детский дом, да? А всё-таки у вас оба родителя репрессированы. Вы когда-нибудь чувствовали, что вы дочь врага народа? Когда-то это отражалось на вас?

Нет-нет. А, вот когда отражалось. Училась я всегда хорошо, и пришла к нам в детский дом разнарядка в «Артек». И как сейчас помню: на педсовет меня [вызвали] и Людмила Николаевна говорит: «По всем статьям Маринка проходит. Учится хорошо, хорошая девочка, никаких замечаний». При мне прямо говорит на педсовете воспитателям: «Ну как мне быть? Сейчас я ее [отправляю], а ее же вернут. У нее же отец репрессированный. В репрессии». Ну все согласились. «Давай кого?» — «Галю Соколову». Это тоже моя подружка была. Ну потом так мы с ней потерялись, конечно. Вот с Сашкой не потерялись. Почему? Потому что я за Сашку стояла горой. Ну кто ее? Все обижали ее. Я за нее делала, когда ее дежурство. А девки начинали вкаты. А я говорила: «Нет. Я за Сашу». А ее не очень любили, ну в смысле, считали отбросом. Вот так как-то. Ну она очень славная, до сих пор она славная такая, ну прямо родная-родная. Когда я могла, — и она же сейчас не может, и я не могу, — мы всегда встречались, ходили по Питеру.

01:58:58

У вас это, знаете как, дружба навсегда.

Да, навсегда. Ну любовь прям. Любовь. Вот родная, я всегда говорю: «Ой, Сашулечка...» Она даже с моими родными [знакома]. Я к моим родным, вот к этой двоюродной сестре ее [приводила]. Между прочим, у меня сестра преподавала в балетном училище, в ленинградском, а муж ее был профессор музыки, в консерватории преподавал. Ну вот. И я к ним ее водила, и они Сашу эту принимали всегда хорошо.

01:59:35

Марина Гансовна, можно я вас сейчас спрошу про то, что вы всё-таки не вступили в партию? Это очень интересно. А как вы вообще к советской власти относились? Какое у вас было [отношение], уже когда вы повзрослели?

Да, было у меня, было, было. И сейчас есть. Но всё равно это моя родина, и никуда это... Но всё равно обида есть какая-то. Потому что она у меня отобрала всё, отца, мать, ну. И всё. И детский дом, и всё. Я же не ленинградка, хотя я ленинградка, а вот живу здесь. Ну а что я могла, я сама добилась всего. Всё. Вот так. Квартиру я сама купила. Я работала как лошадь. Когда я разошлась с этим своим... Как разошлась? Всё было очень хорошо. Хороший парень, любил всегда. Бывало, приду с работы, уже в министерстве работала. Там что-нибудь это... Приду. «Ну ты чего, лап?» Он всегда: «Лап, ну ты чего?» Я говорю: «Да вот там такая-то на меня бочку катит». «Ну ты же знаешь всё равно, что ты лучше всех. Ну ты же лучше всех. Я же тебя люблю», — вот так он всегда. Поехали в Монголию. Сам министр меня вызвала, говорит: «Ну ты чего сидишь? Все отправляются, все куда-то». Ага, куда я поеду? У меня двое детей. Куда я с ними? Он говорит: «Вот в Монголию». «Монголия, — говорит, — это ступенька для дальнейшего». Заграница чтобы. Он любил меня. Токарев. Вот не помню, как звали, но помню фамилию.

02:01:25

А в каком министерстве вы работали?

Промышленного строительства. Петровка, 16. Там большой дом с белыми колоннами. И сейчас стоит.

02:01:39

Да, я даже, кажется, знаю, про какой дом вы говорите, да.

Да, знаешь, да. Красивый. А сейчас нет этого министерства. Вот он меня. Ну я тогда выучила его. А он дизельщик, он с восьми лет на тракторе. Деревенский парень. Ну он достал меня. До армии ходил как господи помилуй. После армии ходил. В армии приезжал, служил в Иванове. Приезжал ко мне. И мне соседка говорит: «Маринка, ты долго будешь издеваться над парнем? Ты посмотри, какой парень хороший». А правда, он ходил ровненько, такая походочка у него была. Я думаю: да сколько уже, 21 год девке, надо выходить. Вышла. Всё. Учить стала его, выучила, техникум. Вот и вызвал меня Токарев: «Муж кто?» А я говорю: «Да дизелист». «У-у-у, они нужны нам». Там же нет электростанции, в Монголии, а такая есть вот на дизелях, на бензине: тру-тру-тру-тру. И он был там начальник колонны. Всё хорошо, жили. Я его любила, полюбила. У меня сначала не было к нему ничего, я вообще дура была. А потом полюбила. Ну детки, всё, да. Я второго не хотела, грешна, хотела аборт, потому что маленький этот тяжело достался очень мне. Ну на одних руках, без никого. Ну вот. А я думаю: «Да не нужен он мне, аборт сделаю». Так он мне не дал. А я сама пошла записываться. А сидим там. Девки идут туда своим ходом, а оттуда их на каталке. Я думаю: «Ой, елки-палки, не дай боже». И оттуда. И он, когда мне назначили это, я в очередь встала, когда мне назначили, он работать не пошел, дома остался. Я говорю: «Ты чего?» «Ничего, я сегодня выходной взял. Давай пойдем куда-нибудь». А он любил в ресторан, мы всё в центральный ходили. «Пойдем». На улице Горького тоже, Белорусская недалеко. Ну вот. Ну всё. И вот мы поехали. Всё. Работали. И чего? Я говорю. И я там работала. А послали-то его как специалиста, дизельщика. Дизелиста. Ну вот он был начальником колонны. А я там в детский садик устроилась, и ребята со мной, и я там. Кладовщиком была. И сразу я там походочку наладила им всем. Они, оказывается, все воры. Все сотрудники там воры, начиная от [верхов] и до [низов]. А повара-то все были — как повара, так и повара. Привезли их поварами. А эти все — директорша, врач — это всё были приезжие. И директор детского сада. И они меня: «Ты кладовщиком [будешь]». А я говорю: «Да не пойду я. Там все воры. Я как с ними? Это я с первого раза сразу рассорюсь». Они говорят: «Давай мы...» — директор и медсестра, ой, врач, они говорят: «Мы всё будем это самое. Вот ты получаешь продукты со склада, взвешиваешь, меню. Всё. Сколько, кому, чего — по граммам». И ничего. Так я давала так. И они приходили когда в котел, чтобы масло при них, при директорше и при враче и со мной. Мясо — то же самое. Так они всё равно говорят: «Маринка, хоть молочка и хлебушка». Я говорю: «Ребята, вы получаете тут в четыре раза больше, чем в Союзе. И всё равно вам хлебушка». «Ну что я как дура пойду с пустой сумкой». Ты представляешь? Во. До чего. Ну и сейчас вон я была в санатории. Тоже так же. Идут. Не стесняются. С двумя сумками. С работы ты идешь с двумя сумками. Ты целый день была на работе.

02:06:22

Марина Гансовна, а откуда это, как вы думаете?

Я даже не знаю. Или это от голода, как раньше, или просто люди, как говорится, «у воды стоять — да не напиться». Я и своим никогда не говорила ребятам. «Чужого не смейте никогда».

02:06:46

Марина Гансовна, а у вас какие-то привычки остались? Ну всё-таки вы пережили голод, блокаду, да? Вот сейчас.

Еще как остались. Я крошки до сих пор со стола собираю пальчиком. Как хотите. Это уже инстинкт. Мы за крошки дрались. Вот съедим на столе — и опускались вниз, на полу искали крошки.

02:07:13

А как вы уже?... Вот когда вы, ну я так понимаю, что вы уезжали из блокадного Ленинграда, голодные.

Да.

02:07:20

Вы потом у вас был какой-то период адаптации? Или тоже там было очень голодно в детском доме?

Там было, да. Там было тоже голодно. Но у нас был огород свой. У нас была свинка, у нас была лошадка. Хрюшечку мы очень любили свою. Она у нас ручная была, мы ее выпускали и на ней катались. Две собачки были. Да. На собачках катались, на санках, да.

02:07:47

То есть вы свое хозяйство держали?

Да, да-да. Детский дом, да. Ну это же поселок был.

02:07:52

И вы работали тоже, да? Дети работали.

Да. Да. Чистили там. Всё. Хлев чистили у хрюшечки. Да. Когда помидорки вот такие станут, мы их давай снимать. А директорша говорила: «Дети, надо подождать, они ж красненькие будут. Вы же у себя воруете». А вот в колхозе мы воровали. Мы воровали свеклу, морковь, репу, колоски. Посадили колоски — колоски воровали. Ну, а траву мы знали, какую есть. Вот гуси ее щиплют, вот такая с маленькими листиками. Я сейчас ее знаю. Ее можно. Лебеду мы лопали. Ну, в общем.

02:08:46

А чем кормили в детском доме? То есть вы это всё воровали, потому что не хватало?

Да. Вот давали кашу, во-первых, кашу. Макароны, да. Ну, иногда котлеточку, иногда, мяса мало. Но потом уже, когда... Уже когда из детского дома выходить, вот тут уже кормили. Уже тут сытно кормили. Но я и жрать не могла много. Потом в общежитии девки были курские, в общежитии, они надо мной смеялись. «Елки-палки», — говорят. Щей нальют мне. А щи они покупали на Даниловском рынке. Свиное лицо, они говорили, морду прям свинячью. Рубили ее, варили в большой кастрюле и делали зельц. Это вот такая штука! В общем, от костей это. И вот мясо это — в марлечку, стекало, и получался такой шар. И там вот это всё. Рубили, конечно, это мясо. Ну как сейчас вот продается зельц.

02:10:00

Это холодец еще называется?

Да, и холодец, и зельц. А получались еще кислые щи. Вот такие! Я поем этих щей кислых — и у меня потом болит печень. И до сих пор жирное я не могу, до сих пор.

02:10:17

Ну, потому что нет ферментативной системы, скорее всего.

Да.

02:10:21

А скажите, пожалуйста, — к маме еще хочу вернуться, потому что есть вопрос, — мама была всё-таки в лагере или в ссылке?

Ну, в лагере, вот дядя говорил, в лагере.

02:10:32

А где она была в лагере?

Не знаю, не знаю. Там есть фотокарточка. Какой-то там забор, деревня — и она стоит в халате около подсолнуха. Вот покажу потом.

02:10:45

А вот вы говорите... Мне с ваших слов показалось, что мама такая очень тонкая, очень красивая была.

Да, да. Изнеженная она была. Ее отец баловал, ой любил как он ее! Вот мальчик-то этот, брат мой, Боря, рассказывал. «Я, — говорит, — глядел на них и удивлялся и думал: о, и у меня так будет».

02:11:07

А она тяжело вообще блокаду переносила?

Очень, очень тяжело. Дядя Володя за нее боялся. А потом и так-то она оттуда пришла. Отпустили ее раньше времени, потому что она там уже...

02:11:24

То есть у нее были проблемы...

Да, с головкой были проблемы. Она уже не пела. Уже она не пела. Она пела просто. Она там работала уже в кассе, когда вот после этого, кассиршей. Еще мы потом пошли с братом, когда я приехала в первый раз, в Малый оперный — и там на кассе сидела ее подруга. И она посмотрела на нас и говорит: «Вы Мусины дети?» А брат ей говорит: «Да. А вы кто?» Она говорит: «Да я вот...» Я не помню, она назвала себя. У нее тоже были мальчик и девочка. Фотокарточка есть. И она сказала: «Мы все поехали в Казахстан», — а мама осталась отца ждать. Брат ей говорит: «Почему она не поехала?» Отца ждать осталась.

02:12:20

Ну, у нее это, вот вы говорили, что она была нездорова после лагеря, а в чем это выразалось? Она как-то от вас...

Нервная, нервная, нервная. Она заводилась с пол-оборота. Вот чего, ребенок обрызгал ее? Но она была хорошо одета вообще. И она любимица была бабушкина, любимица она была. Но потом у бабушки, видно, оставались какие-то тряпки от тех времен. Она всё перешивала. Я помню, что у меня были бархатные платица, вот это вот. Она всё тоже мне перешивала. А первое слово у меня было не «мама» и не «папа», а «дырка». Вот так она у меня идет, дырка, по полной программе.

02:13:07

Почему «дырка»?

А потому что... Дядя Володя говорит: «Я одеваю тебе носочки шерстяные, а ты посмотрела и говоришь: “Дылька”». Дырка была на носочке. Не «мама» и не «папа».

02:13:23

А мама вообще по вашим детским ощущениям... Понятно, что воспоминаний мало о маме, да?

А что-то такое веселое, что-то такое веселое. И всегда пела она, всегда пела, и голос такой красивый был.

02:13:39

Ну а вы говорите, что мама была нервная очень. То есть это такое немножко противоречивое, да?

Ну да, да-да.

02:13:45

Вы боялись маму?

Да, я ее боялась, потому что она внезапно появилась. Я знала, что у меня и мама, и папа — вот они. И он любил меня, и всегда он меня любил. Вот как свою дочь он, так меня всегда и любил.

02:14:03

А дядя что про маму вообще говорил когда-то, не помните?

Ну, когда я спрашивала. Но я старалась не спрашивать, потому что видела, что ему больно. Тогда это не очень спрашивали. А погиб он? Он погиб у меня, он прямо на работе бахнул и умер. Он был инженер, главный инженер был. И надо было... Тогда же очень было строго. На пять минут опоздаешь — тюрьма. Вот так было, да. А что ты думаешь, при батьке Сталине? Иначе бы мы не выиграли победу, блин, елки. За колосок сажали в тюрьму.

02:14:45

То есть вы считаете, что это были эффективные меры?

Ну, может быть, мы... Ну, вот он рассказывал, что их... Его демобилизовали в 1944 году, потому что он был большой специалист. И он поехал в Александров, у нас Александров под Москвой, Владимирская область, монастырь. И там они делали телевизионный завод. Там телевизоры, приборы разные. И он говорит, что «мы с колес начали работать». Вот как приехали. И Дима у него был, грудной, в 1944 родился. «Он — говорит, — у нас в корыте в этом детском под зонтиком спал на улице». Во как было. И работали все. И дети 14-летние на ящиках стояли и работали.

02:15:45

А после войны еще долго было тяжело жить? В 1945-м закончилась война...

Да. Да, еще долго. Ну, в 1944-м, ой, в 1947-м это очень тяжело было, вот я помню, что да. А потом уже, в 1948-м, там дальше уже лучше. Ну, в Москве лучше было, а вот в других городах... А в деревнях они жили только своим, чем жили.

02:16:14

А вы вообще знали что-то про репрессии, про ГУЛАГ?

Нет, нет, ничего. Только тогда, когда написала вместе с ним заявление. И только когда меня вызвали на Лубянку. Только когда мне дали дело. И вот когда я, его прочитав, оттуда вышла... И если у меня был бы автомат или ружье в руках, или наган... У меня в глазах было красно, красно всё. И я бы стрелять стала вот так, кто мне попался, вот так. Вот такое у меня было состояние. Я встала, как сейчас помню, угол такой был, вот вышла я за дверь, там угол. Я встала в этот угол и себе говорю: «Стой, стой, стой. Успокойся, успокойся, надо успокоиться». Я не могу к метро [идти], тут же Лубянка, тут рядом метро. «Дзержинская» была. Ух, вообще кошмар. Кошмар был. Не за... За так [забрали] мальчишку. Ему же было 27 лет в 1938 году. Ну, шпион, блин, немецкий шпион.

02:17:32

А вы как-то вообще чувствовали всегда отсутствие семьи, в чем это для вас выражалось?

Чувствовала, чувствовала. Чувствовала. Это тяжело. Это тяжело, что вот эти девчонки у меня были в общежитии — они были совсем другие. Они были развязные, они по-другому себя вели. Они знали, что мама посылку пришлет. А у меня получилось так: 30 рублей мне давали, зарплата. С метлой, девушка с метлой. А 17 стоило в техникуме платить, 17. У меня оставалось 13 рублей. А это сентябрь был. Выпустили меня из ремесленного [училища] в шерстяном платье, говорили, надо или два простых, или шерстяное и хлопковое. Вот мне дали шерстяное и хлопковое. В хлопковом я ходила на работу, а шерстяное — на выходку. И портфельчик был, и там у меня были книжки. Больше — всё. Это я была девушка. Даже бюстгальтера не было, потому что этих у меня не было никаких. Они появились, только когда в 18 у меня пошла менструация, тогда они какие-то... Нечаянно я заметила, что я стала как-то задеваться. Как повернусь — так задеваюсь. Так что вот так. И надо было... Шинель была, да. Ремесленная. Черная шинель. Шапка-ушанка как у солдат. Бутсы такие же, как у солдат, вот бутсы прямо. Здоровые. Ну и всё, товарищи. Беретик, правда, еще был такой же ремесленный с кокардой. Платьице: пуговички были железные, желтенькие, ремесленные — с этими, молот и серп. Ну вот. Я их сняла, пуговички купила, пришила пуговички, и здесь вышила я крестиком васильки. И у меня было нарядное платье.

02:19:58

Марина Гансовна, ну вкус ведь у вас в генах, правда? Если бабушка при императоре...

Да, да-да-да. Она говорила, этого делать нельзя. Вот так нельзя делать, да.

02:20:09

Как нельзя делать?

Ну по-разному там что-то. Я озорная была девушка.

02:20:15

А вообще, кстати, вот то, что вы немка, вы это знали с детства? Что-то вам бабушка говорила, какие-то традиции?

Да. Да нет. Ну я знала, что у нас немецкая семья. И та бабушка немка, и эта. И дед был очень славный такой, папин. Хороший мужик.

02:20:35

А бабушка какой была, которая немка?

А хулиганка она была. Мама моя, бабушка моя была аристократка. При дворе которая. А эта-то горничная была, она хулиганка была, дядя мне рассказывал. «Она — говорит, — прекрасно говорила по-русски. Но она нарочно. А мне было 25 лет. Она придет к нам — и говорила: “Фолодя, а Фолодя?” Вот я иду и слышу: “Ёв твою мать, ёв твою мать. А что такое, ёв твою мать?”» А он говорит: «У меня краска, я не могу... При бабушке такое, при матери при своей, да? Увидит, что я засмущался, — ногу на ногу. “Не шей ты мне, краса...” А, “Не шей ты мне по матушке красный сарафан”». Вот так, говорит. Хулиганила. А та, говорит... Все они похоронены на Смоленском кладбище, до войны которые. Дед вот этот русский, который распорядитель балов, на Смоленском, там, тоже на Васильевском острове. Так у него, говорит, там могила, дедушка написал: «Спасибо, что ты была», на этом [могильном камне], жене своей.

02:22:11

А отец у вас где расстрелян и похоронен?

Вот этого я не знаю. Они, наверное, умерли от голода.

02:22:20

Отец расстрелян же. Отец ваш, отец.

А, отец расстрелян. Вот похоронен он, похоронен, я же говорила сразу, что в Левашово. Недавно узнали. Летчики рассказали, никто не знал, что туда их свозили. Это было секретно, и вот недавно летчики, кто служил там, там был аэродром, и они рассказали, что, говорят, вот туда свозили. И всех там... С «Крестов», на машинах. И туда.

02:22:53

Ну вы точно не знаете, да? То есть это предположение?

Ну вот так, да. Вот этот вот батюшка рассказал, Владимир, что туда их возили.

02:23:03

А вы бываете на Левашово вообще?

Нет. Я даже и не это... Я уже когда узнала, я уже... У меня же лет 20 уже ноги болят.

02:23:13

А вообще для вас это важно было бы, на могилу сходить? Что у отца даже могилы нет?

Нету, да. Нету.

02:23:22

Ну то есть какая-то связь с отцом, она же важна, внутренняя?

Да. Да. Ну я всегда его вспоминаю, я всегда его вспоминаю. А так, не видела никогда. Я знаю, что это был хороший человек, никакой не шпион немецкий. Дурачок, попал и всё. Подкузьмили. Этот [стукач], Володя говорит, очень завидовал ему, что он в хорошей семье, у него красавица жена, актриса. И вот пошел на него наклепал. Вот так.

02:23:58

Марина Гансовна, а вот мамину смерть и бабушкину как вы переживали? Или это настолько было...

Очень переживала. Я прекратила ходить, во-первых. Меня носил на закорках брат. Я потом только пошла.

02:24:15

А это как? В смысле, вы ходили...

Ну отнялись ноги. Всё. Не ходила.

- 02:24:23 Это после того, как вы увидели, что мама не двигается, в детстве? Вот этот момент?
- 02:24:26 Да. Я орала, орала, и всё, на ножки я не вставала.
- 02:24:32 Я как раз хотела спросить, потому что вы так как-то пробежали вот этот момент из детства.
- 02:24:37 Да, а вы спрашивайте.
- 02:24:40 Могли бы, может быть, подробнее рассказать, когда вы проснулись и увидели маму?
- 02:24:45 Ну вот я говорю, если бы брат меня бросил, то что ж я... На попке же не ходят. А он меня там носил. Это было то еще. И дрался со мной. Везде всё со мной.
- 02:25:05 **А долго вы [были] вот так вот? Сколько это продлилось?**
- Ну и в школу я еще пошла, вот это уже тогда, тогда я пошла ногами. В семь лет, наверное. Вот так.
- 02:25:21 **А ехали вы как тогда? Брат на себе носил?**
- Да, да. Всё рядом. Всё был он у меня.
- 02:25:28 Я про нее не поняла. Как это? То есть вы увидели — и сразу отнялись ноги? То есть вот в этот момент. Просто как будто есть ощущение, что в детском доме очень активно вели жизнь какую-то, а оказывается, что у вас был период... Вот могли бы чуть подробнее [рассказать]?
- 02:25:41 Нет. Да, ну я же уже... Когда там я была еще маленькая, а потом я же с ним была. А потом уже, когда в семь я пошла, а ему уже было 13, елки зеленые. Ну. Его же уже дядя взял. А я в семь пошла ногами. То еще было дело. Ну что, девчонки, хватит вам?
- 02:26:11 **Сейчас еще буквально пару вопросов. Просто вот если был у вас такой тяжелый опыт в Ленинграде, да? Вы потеряли маму, потом вот это всё пережили. А вообще, кстати, как это — жить, когда столько смерти вокруг? Вот как в детском...**
- Ну у всех оно было-то. У всех. Такая жизнь была. У всех.
- 02:26:34 **Но дети же боятся смерти, мне кажется.**
- Нет, нет. Вот как должное. Ну, вообще-то я всегда, когда ночью, со мной всегда ночная няня была. Рассказывала мне всё. Ну, такая, и как сторож она была. Мы с ней вдвоем на кухне. Она мне рассказывала про всякие случаи, сказания всякие. И я засыпала только в четыре часа. И она будила меня и говорила: «Иди, мне надо плитку топить. Сейчас кухарка придет, иди давай». И уже тогда в кровать меня [укладывала]. А так вот, когда все уходили, и мы с ней всегда... Тетя Шура была такая. У нее тоже было своих двое детей. Ну, она жила в поселке.

02:27:36

Ну, я вот просто думала... Извините, если я спрашиваю, но просто у меня с бабушкой была такая история, что она у меня в руках уходила, то есть это такое очень...

Ну, вам сколько было?

02:27:47

Мне... Два года назад, я уже была очень взрослой.

Ну вот, вот.

02:27:50

Мне было тогда уже больше 30.

Это, видно, другое ощущение. А тогда, наверное, вот ты понимаешь, там умерли, там умерли, там умерли. И вот когда умерли — всё, отмучились. Вот такое.

02:28:06

Но когда мама умерла, это же по-другому.

Ну, вот. Я особо... Я же говорю. Если бы дядя умер, то я бы, наверное, другое.

02:28:19

А с мамой было меньше связи просто?

Да, да. Меньше связи. Ну, что я... В три года она пришла. Мне было три года. А тут уже война, и всё. Четыре — и она уже умерла.

02:28:34

А брат тяжело пережил?

Я не успела к ней привыкнуть. А брат, да. А я его и не спрашивала никогда про маму. Никогда. Вот не знаю почему. Я больше про папу спрашивала. Да. Почему-то мне вот папа. Но я знала, что его нет, нет и всё.

02:29:02

Марина Гансовна, еще хотела спросить, вот вы сейчас про Васильевский остров, мы много говорили, про корабли, ну про крейсер вы рассказывали. А вообще как изменилась жизнь в Ленинграде во время войны, во время блокады? Всё равно же на улицах люди как-то двигались, да?

Да, двигались, да. На санках и так, ходили за водой.

02:29:25

Было ощущение опасности?

А?

02:29:27

Опасность, ощущение опасности в городе было какое-то?

Конечно, конечно. Конечно, было.

02:29:33

Вам нельзя было гулять просто с братом, пойти погулять?

Нет, когда не бомбили, можно. Можно. Вот сестра моя со мной гуляла, со своей подружкой, а ей сказали: не водите такого ребенка, ее украдут у вас и съедят.

02:29:56

Ну, а что-то взрослые, ваши бабушка, мама говорили про окончание блокады, как вообще воспринимали?..

Ой, ничего не говорили, ничего. Только где найти поесть, и всё. Как накормить, как накормить, где найти, где чего, где чего, вот.

02:30:15

А кто у вас добывал в основном еду?

Я уже не помню даже, как мы ели это пальто. Вот я помню хорошо, как мы ели клей, вот это я помню. А как пальто, ну, мне дядя сам сказал, мы его съели, я ему сразу говорю: «А где твоё чёрное пальто?», — когда я его увидела, в 1948 году, когда он в детский дом приехал. А он говорит: «Ты что, не помнишь? Мы же его съели».

02:30:44

А вы были очень, наверное?.. То есть как у вас?..

Что было кожаное, всё съели. Кожаное всё съели. Вот сейчас у меня сумка кожаная, я смотрю на нее и думаю: милая моя, скоро до тебя дойдет очередь. Она уже старенькая, выбрасывать жалко.

02:31:11

А вообще детки, получается, многие приезжали с дистрофией, да, наверное?

О, конечно, не многие, а почти все, почти все. И сразу как-то их начинали кормить, кормить, кормить, кормить, по чуть-чуть, по чуть-чуть, по чуть-чуть. Лежали, многие лежали, не вставали. Я же говорю, больно было, лежишь на этих болячках, гной течет, тьфу, сама себе противна.

02:31:43

А вы долго не поправлялись?

Да, долго, долго.

02:31:52

Но потом набрали и стали уже...

Да, да. Наверное, уже после 1948 года, в классе втором, уже булочки начали в школе давать, уже съедали мы свою булочку. На большой перемене давали булочку.

02:32:12

А у вас с едой вообще нормальные отношения сейчас уже, во взрослой жизни?

Нормальные. Нет такого, чтоб я что-то такое. И вот сейчас я... Ну, что я? Суп я [ем], потом кефир, творог, сметанки, вот. А так вот чего... Рыбки, когда хочется, куплю, что-то такое, я не отказываю себе. Всё покупаю. Хватает, пенсии хватает. Да еще когда это стало... Война-то эта. Павлику, Павлик один работает, старший, жена не работает, ну и делилась я пенсией, делилась. Ну и ничего. Она пришла, слезы, «ой, да как же мы», я говорю: «Тихо! Блокаду пережили — и это переживем». Не, я всегда ей говорю: «Никаких. Всё можно пережить, всё можно, руки есть, вот». Она тут, начали когда мобилизацию: «А вот если его возьмут, что я буду делать?» Я говорю: «Лестницы мыть пойдешь». Она на меня так смотрит. Ну вот я развелась со своим, он алименты не платил. Моя зарплата, и вторую я... Пришла к начальнику цеха, говорю... Я вынуждена была из министерства сюда, на завод, потому что двое мальчишек, оставлять их нельзя, у меня и командировки там были, и всё. И на работе задерживалась, потому что начальник отдела я была, ну а тут вот это, и чего? Я пришла к нему, говорю: «Давай вторую работу». А он говорит: «Да ты всегда улыбаешься, ты что, шутишь, что ли?» Я говорю: «Да что шутить-то, я на одну зарплату, а у меня пацанов два. А алименты [отец] не дает». И эта, кто должна была, в соцотделе, вызвала меня, говорит: «Возьми ты это заявление, потому что он обманывает меня, говорит, [что] там работает, а пошлю туда — его нет, а с меня за невыполненную работу тоже снимают и премии, и зарплату». «А я, — говорит, — что? У меня тоже, у тебя двое и у меня двое». Я говорю: «Да ладно». Я ему говорю: «Давай мне это...» И что, я уборные мыла, и всё. В пять часов вставала, уборные [мыла], а потом шла как начальник цеха, ёлки-палки, ОТК, проверяла готовую продукцию. Да.

02:35:10

Вот это да. Марина Гансовна, а вот вы с братом когда-нибудь по душам вообще разговаривали, вы так много пережили?

Нет, нет, никогда.

02:35:20

Почему?

Ну, у него первая жена была очень хорошая, но они развелись, вот от которой мальчик, мальчик, между прочим, был штурман на подводной лодке, и когда стала перестройка, он погиб, оставив две девочки. Ну и жена Нина. Он работал тоже, работал много. И работал... Он же механик холодильных установок, а тогда только это, работы было у него полно, он работал на мясокомбинате, приносил, кушали они хорошо. Женщина, ребеночек маленький, ну вот. Застал он ее, сидела одна, скучно ей стало, ну и развелись. Ну Володька вырос. Он сразу вот, маленький, сразу — Ленинград такой город, корабли-то приходят на праздники, и мы с ним, бывало, я приеду на праздники: «Я буду моряком, пойдем корабли смотреть». Совсем маленький был, еще в садик ходил. Пойдем на Васильевский остров, институт военно-морской. «Пойдем туда, пойдем туда». «Вова, ну ты устал уже, у меня ноги устали». «Ничего, потерплю». И он всегда: «Буду моряком». А я ему говорила: «Да ты будешь не моряком, а будешь водителем на мусорной машине». Брат хохотал. Почему-то я так ему говорила. А потом так и стал моряком, в военно-морское училище пошел, всё, хороший парень был.

02:37:20

Но вы всё-таки, я, знаете, думаю, вот вы...

Никогда не говорила с ним, никогда, никогда. Потому что у него своя семья была, не оставались мы с ним наедине никогда так, чтобы...

02:37:35

Марина Гансовна, а вот это всё пережили...

Вот Саша больше знает, чем там вот...

02:37:42

Ну, я поняла. Ну а это куда деть, вот то, что вы рассказывали про маму, про блокаду, это же...

Да не надо куда! Это если только тебе про блокаду что-то такое надо будет, я могу дать вот нашей старшей, блокадной нашей старшей телефон, у нее книга есть, и у нее есть кассеты, она тебе расскажет. Я ей сказала, говорю: «Они про блокаду, но я про блокаду не буду». Она говорит: «А если хочешь, то дашь им телефон». Если понадобится, то дам, созвонюсь с ней и дам. Она очень славная. Матвеева Эмилия Павловна. Очень хорошая женщина.

02:38:35

Хорошо. Олесь, есть у тебя какие-то вопросы, может быть, я что-то пропустила?

Если что, позвоните.

02:38:44

Там было несколько уточнений. Сейчас я...

02:38:46

Давайте фотографии посмотрим.

02:38:47

Да, ну давайте фотографии.

02:38:52

Так, кто это на фотографии?

Мама. Мария Васильевна Гусарова. Мама Марины Гансовны.

02:39:00

А вы где?

В пузе у ней. Вот она в девушках. В девушках. Но это уже такая темная фотография.

02:39:11

Не успела снять. А вы просто раскладываете, мы потом их перефотографируем.

02:39:15

Вот это папа мой, мама и братик мой, Гарик. Вот на этой фотокарточке, видите? Вот. «Смотри на мартышку номер один и номер два. А третья самая большая». Это, видно, «самая большая» — про Гарика. А третья... Это кому-то он писал, папа. Вот, видишь, хороший почерк такой. Вот у него там в этой тетрадочке его сначала было хорошим почерком, а потом ужасным. Вот это мама. Так. Это вот мои родные. Это вот моя бабушка-хулиганка, горничная. Вот это дедушка, настройщик музыкальных инструментов. Это Вера, папина сестра. Она старшая сестра. Это вот Саша, который погиб, поел. Это Гарик, видишь, совсем еще маленький. Это мама. Это дядя Володя, брат с сестрой. Это бабушка вот моя.

02:40:23

Это которая при дворе была?

Да, которая при дворе была. Всё сняли? Это вот мой красавец-дед. Распорядитель балов. Бабушка и мама. Тут, наверное, ей годик или второй годик. Вот так вот.

02:40:45

Слушайте, а прически-то какие...

Да, тогда такие, да, были. И дед хорош, да? Дядя Володя говорит, эта прическа называлась его «голубиное крылышко», у деда. Вот, дала. Это мама маленькая. Видишь, какая куколка? Лобастая. А это уже они при советской власти. Бабушка, мама уже, здесь большая мама и брат. Вот он зарабатывал, когда началась революция, ему было восемь лет. И он тапёром был, было кино без разговора. И он играл на рояле. Зарабатывал деньги домой.

02:41:42

У вас очень музыкальная семья.

Да. Да. Все. У меня режиссёром был дядя в Большом театре. «Кармен» оперу ставил, да. Двоюродной сестры, маминой и папиной, муж. Вот это перед войной, перед самой войной. Брат, видишь, большой мальчик. Это я. Куколка с куколкой. Видишь, какая хорошенькая. А вот это вот Карлсон Валька. А это не знаю кто. Вальку-то я знаю. Мы с ним же в детском доме тоже были.

02:42:29

Карлсон — это немец, да, вы говорили?

Ага, швед. Швед. А это Гарик маленький. Ну а это... Это вот папа тоже. Это мы с бабушкой. Это у нас любовь. Мы с бабушкой. Везде мы с бабушкой. Это вот тоже мы с бабушкой. Я, Гарик и бабушка. На даче. У нас дача была в Сестрорецке. Вот я пошла. Первые шаги мои. Кривоногие. Это папа. Это наш папа, вот папа с Гариком. А это мама с Гариком. Кто уж их там фотографировал так ужасно... А вот это вот подруга мамина, которая в кассе была, я говорила. И мальчик ее. И меня она держит. И бабушка тут. А это вот тетя Аня, дяди Володи жена первая, которая не хотела меня брать. Ну, тут Гарик. Это мы с Павликом, когда поехали в Монголию, со старшим мальчиком, ему было три с половиной. А тот только родился. Я говорю: «А того?» «А тот не представляет для государства интереса». Только его надо было в эту самую.

02:44:01

А какой интерес этот для государства представлял?

Да я тоже не знаю какой. Ну тот еще был совсем-совсем [маленький]. Вот мы на даче. Бабушка, тетя Аня. Я вот. Тетя Аня тут меня — обнимашечки. Мама. Вот это уже она из лагеря пришла.

02:44:21

А еще раз покажите, где вы?

02:44:24

Вот я.

02:44:25

Ага. А мама?

02:44:26

А мама вот. А это дяди жена. Брата маминого жена. Ну, это то же самое, эта фотография. Вот остались такие, кое-что осталось. Ну ладно.

02:44:44

А есть что-то из детского дома у вас?

Есть, есть. Есть. Есть, девочки мои, есть. Сейчас я посмотрю тут. Вот мы с Гариком. А это уже я тут с внучкой, со старшенькой, Анечкой. А это еще вместе гуляли по бульвару. Изабелла зовут.

02:45:10

А покажите еще вас с Гариком. Это вы, да?

Да, вот она эта — вот была у меня, дырка-то. «Дылька»-то. Вот она, «дылька». «Дылька». Вот эта дырка. Там Пашенька такой, похож, старший мальчик. Вот я. Вот я, мне было 15 лет, тетка, смешная, на даче в отдыхе. Вот я тоже. «Сплю». На даче «спю». Это мама с Гариком. А это Вовочка, штурман подводной лодки. Вот это моя Саша Трохачевская. Вот она моя. Тонька Шумилова. Саша Трохачевская. Ну это мои родственники, брат мой. Вот брат мой. Он высокий тоже был, как папа. Вот его сынок Вовочка. А это мы Гагарина встречаем, пирожки за пять копеек едим, с повидлом. Вот я в кровати, видишь, стою? Вот я на доске почета. Вот я в 21 год. Тут я уже человек.

02:46:22

21 год?

02:46:22

Да.

02:46:23

Вы на маму похожи, кстати.

02:46:25

Да нет, мне кажется, на папу.

02:46:26

А рядышком поставьте фотографию мамы.

02:46:29

Мама просто другая, и губы там у нее, такое, немое кино, да?

Ага. Да.

02:46:39

А Гагарина встречали, это в смысле после его...

Да. Да.

02:46:44

А как это? Вы прям ходили куда-то на площадь?

Мы были... Вот Ленинский проспект, и мы были на Ленинском проспекте, стояли. С работы нас, да. Вот мы с мамой. Вот это вот она и пришла сейчас. Вот я такая была, когда она пришла. И вот я помню, этот капор был розовый, шелковый. И вот он был так как-то собран, вот так вот сделан, и он шуршал, когда мама его одевала, он шуршал. А я была дурочка, и я оглядывалась: кто шуршит? А она мне говорила: «Смотри на маму». Видно, ей чтоб прямо завязать. И вот это я запомнила. «Смотри на маму». Вот моя нянюшка, это мы, Гарик и я. Морда широкая. Морда широкая. А вот папа мой с бабушкой. Ну тут плохая фотография. Но бабушка, видно, его любила, видишь, улыбаются оба. Нету больше папы, нет. Ну и это вот. Это на даче. Там дачные. Вот это девочки детдомовские. Вот опять Сашка Трохачевская. А это была Зара Незвестная. Потому как: «Как тебя зовут?» А она говорит, директорше: «А тебя как?» Людмила Николаевна говорит: «Меня Людмила». «Ну и меня Людмила». «Будешь Зара». «Ну буду Зара», — говорит. И вот Зара, фамилия Незвестная, ей придумали. Это вот Лидка Бровкина. «Замуж не выйду и детей рожать не буду» — вот такая она была. А это тоже хорошая очень девочка была, но забыла уже, как зовут. Это мы куда-то на экскурсию ездили на работе. Это мы опять, какая-то тетка меня держит. Это бабушка. Это я вот на документах. Ну а это уже пошли... Во, мама! Вот в этом, говорю [в лагере]. Вот такая она, прислала такую из лагеря.

02:49:11

Вроде бы все-таки это спецпоселение, да, какое-то? Не лагерь.

02:49:15

Да, мне кажется, что она просто, наверное, была выслана как жена.

Да, наверное. Потому что никаких документов.

02:49:22

Марина Гансовна, а хотите, мы... У нас есть в музее целый отдел, который помогает разобраться с документами, найти какие-то документы. Если хотите, мы вам поможем восстановить. А вдруг мы найдем дело, где мама была.

Да ну, не надо.

02:49:37

Нет, вам не интересно?

Нет. Вот это я на даче. Видишь, «спю». Вот это в детском доме. Вот пошла я во сколько. Это первый класс. Тамарка Николаева была. А, я вот про баню вам рассказывала и как нам одежду давали. Вот в баню пошли мы.

02:49:57

Подождите, это вы? Коротко стриженная.

02:50:00

Вот я, да, да. Вот, смотри, не улыбаясь, ничего. Это вот война еще во мне, в башке была. А вот это уже в четвертом классе, вот это я уже веселилась. Вот эта девчонка уже не ленинградка. Валька, ой, не помню фамилию. Зараза такая была. Она через забор дразнила нас всегда: «Детдомники, половники». Ага. И потом попала к нам в детский дом. И мы ей тут — так темную ей устроили! И всё, чтоб запомнила, как дразниться. Вот такая я была в четвертом классе. Хорошая, добрая девочка, да? Ну, видно, что хулиганская.

02:50:47

Такая разница большая.

Вот, небо и земля. Потому что и была эта разница. Это платица не шерстяные, а из какой-то синей ткани хлопковой сшитые. Это я была серьезная девочка. Это Володюшка, вот штурман

этот, Гарика. Вот Гарик, вот я, вот бабушка наша. Вот ей досталось, бабушке. Вот это Муська, сволочь, которая Сашу моего увела себе. А у нее был жених в этом же училище, где Саша, только Саша уже кончил, и он сделал мне предложение. Но мы с ним это... А я на последнем курсе училась. И я говорю: «Саш, диплом писать ты кончил, еще нам жить негде. Я в общежитии, ты в общежитии». А он тоже должен был после того, как он училище кончил, их посылают, но диплом еще не дают. А вот год он проплавать должен, тогда ему дадут диплом. И тогда ему дадут, в общем, место назначения, где работать будет, и тогда ему дадут квартиру или комнатку. Я говорю: «Давай подождем. И мне сейчас тяжело, последний курс, и тебе. Мы никто еще с тобой. Давай подождем». Хотеть я, конечно, за него хотела. И не думала никогда, что... И потом я ее спросила, говорю: «Зачем ты так сделала?» Она пошла, в кино его пригласила, там, где он начал работать. И легла с ним. И всё. А он смирный был парень. Ну вот. А я ей говорю: «Зачем? У тебя же был Женька». Женька был красавец вообще. Сашка обыкновенный. А она говорит: «А Женьку год ждать надо было». Вот так. И всё. А это уже я отдыхала в Судаче. Это моя Танька. Хорошая девочка. Вот это я молодая. Вот это мы. Тогда, когда я приехала первый раз в Ленинград. Ну, первый год отработала, отпуск получила. Вот «Ленэнерго» здание. Вот мы сидим. Саша Трохачевская и я. Муська и я.

02:53:26

У вас многие вернулись в Ленинград? Вот из ваших.

Да. Почти все. Многие. Вот мы с Сашей Трохачевской. А вот это у нас было на работе. Как это называется? Ну, в общем, готов к труду и обороне. И я засранка: надо было по ранжиру встать, а говорю: «Ага, я первая буду». И вот встала. Чего это я буду! А это мы на Невском с Сашей. И вот Саша нас как раз снимал.

02:54:02

А с Сашей есть общая фотография?

02:54:04

Неа. Разорвала все. Зараза, правда? Зараза. Это Борины девчонки. Боря. Это в Гродно. Боря, Майя. И вот эти. Как грачи. Видишь? Четыре девочки. А вот это мой Пашка в садике. Послушный мальчик. Тоже был хулиган. Очень боевой был. Вот он, воспитательница. Это тетя Нина, нянька, он ее очень любил. Вот так вот, девчушки.

02:54:49

А еще справки о реабилитации можете показать?

Во, перед вами.

02:54:54

Перед нами. Но вы нам должны рассказать.

Да.

02:55:00

Я потом перефотографирую еще. Оставьте пока еще.

02:55:02

Не забирайте пока еще.

Да, вот просто оставьте.

02:55:05

А я вот оставляю. Ну вот, это я написала заявление. Он мне сказал, куда обратиться. Я обратилась в военный округ. Военный трибунал.

02:55:18

Это справка о реабилитации, я вижу.

А это та же справка, только копия. А тут пошли дальше, как я что писала. Прочти, пожалуйста, моя хорошая.

02:55:35

Так, Марине Гансовне. «В связи с вашим заявлением высылается дубликат справки о реабилитации Германа Ганса Петровича». А это дубликат справки.

Да, да, да. Вот там есть. Это тоже. Вот это прислали такое вот свидетельство о смерти.

02:55:52

А вы, получается, узнали, что отец расстрелян, тоже когда узнали вообще о том... Уже поздно, да?

Да.

02:55:59

То есть мама умерла, она так и не знала, что мужа уже нет.

Нет, нет, не знала. И вот эта вот справка, военный прокурор. Вот. Вот, читайте тоже, девчонки.

02:56:10

Давайте я посмотрю, что это. Так, «военный прокурор. Сообщаю вам, что жалоба вместе с делом по обвинению Германа Ганса Петровича направлена в военный...»